

СЕРГЕЙ ИЗУГРАФОВ

Смерть на Кикладах

СБОРНИК ДЕТЕКТИВОВ №3

Сергей Изуграфов

**Смерть на Кикладах.
Сборник детективов №3**

«Издательские решения»

Изуграфов С.

Смерть на Кикладах. Сборник детективов №3 / С. Изуграфов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835946-0

Алекс Смолев переезжает из Санкт-Петербурга на греческий остров Наксос. Загадочные убийства постояльцев виллы и жителей острова заставляют Смолева принять активное участие в расследовании преступлений. Ему помогают его друзья, работники виллы, инспектор уголовной полиции острова и даже Бюро Интерпола в Греции. И вот снова очередное преступление ставит полицию в тупик... В сборник вошли повести «Смертельный заплыв», «Ярче тысячи солнц» и «Голубой алмаз Будды».

ISBN 978-5-44-835946-0

© Изуграфов С.
© Издательские решения

Содержание

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ЗАПЛЫВ	6
Пролог	7
Часть первая	11
Часть вторая	16
Часть третья	23
Часть четвертая	30
Часть пятая	36
Часть шестая	44
Часть седьмая	49
Часть восьмая	56
Часть девятая	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Смерть на Кикладах

Сборник детективов №3

Сергей Изуграфов

*Пусть чередуются весь век
Счастливый рок и рок несчастный.
В неутомимости всечасной
Себя находит человек!*

Гете, «Фауст»

© Сергей Изуграфов, 2020

ISBN 978-5-4483-5946-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ЗАПЛЫВ

Трое смогут сохранить секрет, если двое из них – мертвы!
Каморра

Пролог

В самом слове «остров» есть какая-то магическая притягательная сила. Живя на острове, теряешь связь с миром; остров – это самостоятельный мир.

Агата Кристи, «Десять негритят»

Сверкающей на солнце гирляндой жемчужин неправильной формы и различного размера с северо-запада на юго-восток протянулись двести с лишним островов Кикладского архипелага, навсегда найдя свое место в бескрайней лазури теплого Эгейского моря.

Когда-то, сотни, а то и тысячи лет назад, когда и море-то еще не называли Эгейским, на многих из них жили люди, стояли храмы и святилища. Сегодня лишь десяток из этих островов обитаем.

Откуда взялись они посреди бескрайней морской глади? Есть много версий: научных и не очень.

Да и кого интересует научный подход, когда, осмотрев с раннего утра уже с десяток достопримечательностей, включая местную каменоломню, откуда брали прекрасный белый мрамор для статуй еще самого Праксителя, археологический музей, наполненный амфорами и фигурками эпохи неолита, пещеру со сталактитами, где рос Зевс, и скалу на пляже, на которой – любой местный может подтвердить этот непреложный факт – сидела сама Афродита, – ты сомлел с непривычки от жары и хочешь только одного: оказаться под сенью виноградных лоз на террасе очередной гостеприимной таверны! Там присесть на удобный стул, выпустить наконец из рук нещадно потяжелевший фотоаппарат, выпить бокал белого вина или воды со льдом, отдышаться, обмахиваясь шляпой и утираясь платком, и поглазеть по сторонам.

История, которой на Кикладах дышит каждый камень, может и подождать. Благо, всегда есть кому просветить туриста на этот счет!

Кто из островитян не знает старой легенды о том, как разгневанный Посейдон превратил слишком расшалившихся нимф, докучавших ему во время божественного отдыха своими легкомысленными песенками и танцами, в каменные острова?

Любой грек на Кикладах расскажет любознательному туристу, как именно это было, щедро прибавив от себя такие подробности, что поневоле поверишь, что уж он-то сам при этом без сомнения присутствовал. А потом, оказавшись владельцем таверны, он же непременно

пригласит вас в гости и укажет столик, с которого лучше всего видно то самое место, где все это и произошло в те самые незапамятные времена...

И плетеный стул, как правило, мягок и удобен, и домашнее белое вино, что подано на стол в запотевшем глиняном кувшине, приятно освежает и бодрит, и тень над головой от старого платана или густой заросли виноградных листьев дарит долгожданную прохладу сомлевшему туристу, а уж вид на бескрайнее море и в самом деле великолепен! И так ли уж важно, здесь ли именно бушевал разгневанный Посейдон или на несколько миль дальше?

Скоро на столе незаметно появляется горячий хлеб домашней выпечки с золотистой хрустящей корочкой, блюдец с оливковой пастой и мисочка с холодными баклажанами, что гостеприимная хозяйка потушила в оливковом масле с чесноком и специями еще накануне с вечера и заботливо убрала до времени в прохладный погреб.

Затем, чтобы утолить раздраженный закусками аппетит, на столе возникнут уже и свежие овощи с фетой – традиционным сыром из козьего и овечьего молока, и картофельная запеканка – мусака – со сладким перцем, баклажанами и фаршем из баранины под соусом бешамель. А чтобы окончательно привести туриста в восторг, – и сам печеный барашек, добрую порцию которого хозяин обязательно поставит перед гостем лично, щедрой рукой нальет вина из кувшина в бокал и похлопает дружески по плечу, чистосердечно пожелав: «Ямас!», – мол: «За нас, за тебя, дорогой друг, будь здоров, счастлив, кушай хорошо и заходи почаще!»

Такой вот типичный, сомлевший на ярком солнце турист, облюбовавший типичную кикладскую таверну, с комфортом расположился за одним из ее столиков. Не теряя времени, он с наслаждением потягивал из бокала вино, бегло пролистывая неоднократно уже изученный им во всех деталях «Путеводитель по Кикладам».

Миллионы туристов едут в Грецию каждый год насладиться греческим гостеприимством, а сами греки с материка едут на Киклады – самое красивое и живописное место во всей Греции. Их манят чистейшее прозрачное море с множеством тихих лагун и уютных бухт, широкие песчаные и галечные пляжи, протянувшиеся на многие километры, озера с родниковой водой и поросшие зеленью горы с таинственными пещерами, вкуснейшая национальная кухня с винами и сырами местного производства, рыбными и мясными деликатесами.

Греки знают, куда ехать отдыхать! И каждый находит на Кикладах свое. Молодежь стремится на раскрепощенный Миконос – жемчужину клубной жизни Греции – окунуться в шумные пляжные вечеринки и посетить знаменитые рестораны. Тысячи паломников со всего света едут погрузиться с головой в уединенную и тихую жизнь Тиноса, где находится известная церковь Девы Марии. Археологи и историки посещают необитаемый остров Делос, где по местным законам нельзя даже остаться на ночлег – в свое время здесь существовало древнее святилище Аполлона и Артемиды, а потом – и Милос, тот самый, где когда-то была обнаружена Венера, ставшая позднее Милосской. Влюбленные пары спешат на Санторини – насладиться обманчивым спокойствием древнего вулкана и романтикой белоснежной «визитной карточки» Киклад, а затем и на Анафи – побродить, взявшись за руки, по экзотическим пальмовым пляжам с удивительными ландшафтами.

В самом же сердце Киклад лежат два острова, куда приезжают гости со всего земного шара. Лишь узкая полоса пролива разделяет их. Когда-то это был один клочок суши в водах Эгейского моря. Но с незапамятных времен землетрясение отделило от Пароса кусочек, названный позднее Антипаросом. Два острова разделяет пролив протяженностью около полутора километров.

Этот-то пролив местные жители и туристы облюбовали в качестве дистанции для ежегодного морского марафона, шутка ли: почти морская миля в открытом море! Это надо отважиться, чтобы пересечь его. Но каждый год собирается почти триста смельчаков – мужчин и женщин, готовых бросить вызов морской стихии. А сколько приезжает туристов поглазеть на заплыв! Еще бы: в прошлом году, говорят, сам Том Хэнкс, купивший дом на Антипаросе,

вместе с женой-гречанкой принял участие в заплыве! И проплыл неплохо: за каких-то сорок минут! Это в пятьдесят-то восемь лет! Говорят, что и Лайам Нисон отдыхает неподалеку, и даже, по слухам, сама Мадонна собирается купить здесь роскошную виллу, чтобы отдохнуть в покое от назойливых поклонников и вездесущих папарацци.

Турист наконец отложил истрепанный «Путеводитель» в сторону, решив продолжить обед.

Заплыв должен был начаться через полчаса, и приезжий – полноватый мужчина средних лет, по всему – грек с материка, решил провести это время не сходя с места, – тем более что блюдо с ароматной бараниной дымилось перед ним во всей своей красе и великолепии, а кувшин с вином был еще наполовину полон.

Мужчина достал из бездонных карманов своего мешковатого льняного пиджака очередной белоснежный платок, вытер им вспотевший лоб и блаженно улыбнулся.

Старший инспектор уголовной полиции Наксоса – острова, который находился в шести километрах от Пароса – Теодорос Антонидис наслаждался честно заработанным отпуском.

Будучи по происхождению действительно греком с материка, переехавшим по делам службы два с половиной года назад на Наксос и ни разу не покидавший его за все это время, он решил объехать за три недели отпуска, что щедро выделило ему афинское начальство, все крупнейшие острова Кикладского архипелага, чтобы, как он сам говорил, «лично составить о них подробное впечатление».

О «морском марафоне» с Пароса на Антипарос он узнал заранее и решил, что непременно должен в нем участвовать, но не в качестве пловца, упаси Боже – к стыду своему старший инспектор едва мог держаться на воде, а уж о том, чтобы проплыть добрую морскую милю, он и мечтать не мог – а в качестве зрителя и фотографа-любителя.

Антонидис с гордостью взглянул на лежавший на столе рядом с раскрытым «Путеводителем» цифровой зеркальный аппарат Canon 60D – подарок главы Национального Бюро Интерпола Греческой Республики генерала Манна. Этот фотоаппарат входил в перечень оборудования, переданного в свое время Интерполом в дар лаборатории полицейского участка Наксоса, – старший инспектор страшно гордился им и очень дорожил.

Неторопливо поедая нежное мясо, которое словно таяло во рту, запивая его прохладным вином и жмурясь от удовольствия, старший инспектор наблюдал с интересом за тем, как на набережной небольшого городка Пунто, откуда на Паросе стартовал заплыв, стал собираться народ. Со своего места ему было все прекрасно видно: участники заплыва прибывали с группами поддержки из родственников и друзей, которые всячески подбадривали спортсменов, рассказывая им веселые истории об утонувших в прошлом году, – такая уж традиция – разражаясь громким смехом и хлопая участников по плечам.

На самом деле, за много лет «морского марафона» не было ни одного несчастного случая: за этим бдительно следит местная служба спасения на водах, чьи катера уже качаются в бухте на волнах. Вон они: три, четыре, даже пять катеров!

Спортсмены начали разминку, разогревая мышцы перед заплывом. Многие из них были одеты в специальные гидрокостюмы, защищавшие их от переохлаждения в морской воде.

Организаторы заплыва установили на набережной несколько столов, за которыми сидели девушки, регистрировавшие участников. Подготовка к марафону была в самом разгаре: громко играла музыка, спортсмены по очереди подходили к столикам и отмечались в длинном списке.

Зрители постепенно заполняли набережную, шелкая затворами фотоаппаратов и весело переговариваясь. Стайка стройных и загорелых девушек в бикини – группа поддержки – высypала на набережную и начала представление под музыку, изображая, видимо, тех самых нимф – проказливых дочерей Океана, не дававших спать Посейдону. Слава Богу, в этот раз их никто не превратил в камень: зрители дружно хлопали в ладоши и фотографировали юных красавиц.

Старший инспектор, невольно залюбовавшись молодыми «нимфами», тоже потянулся за фотоаппаратом: объектив был достаточно мощным, чтобы сделать хорошие снимки даже с того места, где он сидел, главное, чтобы никто не заслонил от него танцующих. Он несколько раз щелкнул затвором аппарата, выстрелив, словно очередь, в режиме «спорт», и запустил «просмотр изображения» на большом экране фотоаппарата, прикрывая его рукой от солнца, чтобы лучше было видно.

И надо же такому случиться, как назло: в кадр влез какой-то небритый мужчина плотного телосложения в неопрятного вида плаще, по виду – итальянец, с суровым обветренным лицом, заслонив собой танцевавших «нимф», и «погубил» практически все кадры! Какое невезение!

Антонидис философски вздохнул и собрался было уже стереть ненужные ему снимки, как тут раздались громкие аплодисменты, зазвучали фанфары, и спортсмены вышли на старт.

Старший инспектор быстро поднялся со своего места, подошел ближе к парапету, что отделял террасу таверны от пляжа, и отвел душу, засняв во всех подробностях старт «морского марафона».

Под громкую музыку, подбадривающие крики и аплодисменты спортсмены друг за другом бросались в воду, вспенив ее совершенно, и, постепенно, сопровождаемые катерами спасателей, растягивались в воде длинной цепочкой, уходящей в сторону соседнего острова.

Марафон начался!

Инспектор Антонидис, увлеченный фотосъемкой, не заметил, как тот самый небритый «итальянец», убедившись в чем-то, набрал номер на своем мобильном телефоне. Коротко отчитавшись перед кем-то, незнакомец резко повернулся спиной к старту заплыва, словно «морской марафон» более совершенно его не интересовал, и решительно зашагал в сторону марины, где стояли яхты и катера.

Через какое-то время к нему присоединились еще двое сумрачного вида мужчин в длинных и светлых плащах, несмотря на жаркую погоду, по всему – «чужаки», и странная троица, словно придерживая что-то руками под верхней одеждой, торопливо дойдя до марины, скрылась на борту одного из катеров.

Вскоре двигатель катера затарахтел, один из приезжих, уже без плаща, выскочил на берег, ловко размотал швартовочный канат и быстро запрыгнул обратно. Катер, взревев мощным мотором, развернулся и, постепенно набирая скорость, помчался в пролив, туда, где уже едва виднелась цепочка пловцов.

Ну, и совсем не мог знать старший инспектор о том, что уже после того, как все участники заплыва под аплодисменты и восторженные крики обитателей «принимающего» острова выйдут из воды, и в море не останется более ни одного пловца, о чем и сообщит по радиации руководитель службы спасения главному организатору «морского марафона», – на берегу бухты Антипароса, прислонившись спиной к большому валуну, скрывшись за камнями от чужих глаз и, словно застыв, еще добрых полчаса простоит мужчина, отчаянно впившись глазами в море. Эти полчаса покажутся ему вечностью.

Ростом ниже среднего, полный, с круглым лицом и толстыми щеками, в светлом плаще явно с чужого плеча, который словно тоже что-то скрывал от окружающих, он держал одну руку за пазухой, а другой то и дело вытирал крупный пот, что катился по его лицу и заливал глаза. Убедившись в том, что никто более из моря не выйдет, он повернулся и на негнущихся ногах, пошатываясь, двинулся к пирсу. Там, выйдя к кафе, столики которого стояли почти у самой кромки воды, он без сил упал в ближайшее кресло.

В этот момент вдруг пронзительно взвыли сирены на катерах службы спасения, и, развернувшись в бухте Антипароса, один за другим катера полетели в пролив: видимо, сверка списков участников показала, что как минимум один пловец, стартовавший на Паросе, до Антипароса так и не добрался.

Часть первая

*Смерть интересовала меня с детства.
Когда я прочла: «Шалтай-Болтай сидел
на стене, Шалтай-Болтай свалился во сне», – я задумалась: «Сам
свалился – или толкнули?»*
Филлис Дороти Джеймс

Всего в шести километрах от Пароса и Антипароса находится крупнейший из островов Кикладского архипелага – Наксос. Гористый остров с внушительным горным хребтом, чьи гордые вершины уходят в небо на тысячу метров, прекрасными зелеными равнинами и плодородными долинами, где среди рек и родников с прозрачной водой круглый год цветут и плодоносят фруктовые сады, оливковые рощи и виноградники. Луга с густой душистой травой и олеандровые заросли переходят в песчаные пляжи и скалы, что круто обрываются к морю. Красивейшие бухты с бирюзовой морской гладью, многокилометровые пляжи побережья украшают остров, который известен с древнейших времен.

Небольшие живописные деревеньки разбросаны по всему острову, их жители, чьи дома утопают во фруктовых садах, свято чтут старые традиции, особенно – кулинарные! Местные хозяйки большие мастерицы в приготовлении петуха в винной подливке, мидий в соусе саганаки с домашним козьим сыром, макарон с омарами, запеченного кальмара и самых разных мясных блюд.

Мясо Наксоса – отдельная тема! Остров славится на всю страну своим скотоводством: пасхальные агнцы с Наксоса идут просто нарасхват в Страстную неделю, когда православные греки заботятся о яствах к своему пасхальному столу после долгого сорокадневного поста. Кроме вина, нежнейшей баранины и козлятины, Наксос славится и своими сырами, молочными продуктами, ароматным тимьяновым медом, вареньем и разноцветной настойкой из цитрусовых – китроном.

В отличие от большинства безводных островов Кикладского Архипелага, Наксос – самый настоящий рай: с древних времен остров славился своим плодородием! Нигде в Греции нет вкуснее картофеля, чем тот, что выращен здесь! А какие маслины – крупные, спелые! Тысячелетиями тут выращивали виноград и занимались виноделием. Богатство и изобилие древней земли долгое время позволяло острову быть независимым от туристического бума, поэтому Наксос был последним из Кикладских островов, что открыл свои двери для путешественников.

Самое оживленное место на острове – его столица и главный морской порт – город Хора. Здесь живет добрая половина всех жителей. Сегодня любой турист, едва сойдя с парома и лишь

ступив на гостеприимный берег, будет поражен видом, который откроется ему: белый лабиринт из домов на холме венчает мощная венецианская крепость, а огромные мраморные ворота храма Аполлона, расположенные на небольшом островке в бухте Хоры, заставят его невольно задуматься о том, каких же циклопических размеров был сам храм!

Здесь же, в запутанном лабиринте улочек, украшенных глиняными цветочными горшками, вазами и цитрусовыми деревьями в кадках, находятся и многочисленные небольшие гостиницы и виллы, предлагающие приезжим уют и домашнюю кухню. Среди них на улочке Апиранто, за толстыми белеными стенами расположилась одна из старейших вилл острова.

Подтянутый, с отменной выправкой, выдающей в нем кадрового офицера запаса, мужчина-брюнет средних лет быстро спускался по лестнице с верхней террасы виллы «Афродита».

На странно бледном и гладко выбритом лице особенно выделялись внимательные серые глаза и небольшой узкий шрам, что пересекал его левый висок. Одет он был в отлично сшитый светлый костюм, что сидел на его ладной фигуре как влитой, белоснежную сорочку и светлые туфли из мягкой замши.

Брюнет двигался быстро и точно, как человек, привыкший к физическим нагрузкам. Было что-то еще особенное в том, как мужчина вел себя – словно он, несмотря на внешнюю расслабленность, был постоянно внутренне собран и готов в любой момент среагировать на любую опасность: навык, приобретаемый за долгие годы службы в специальных подразделениях.

– Соня, Катерина! – произнес он по-русски приятным баритоном, спустившись к стойке администратора, обращаясь к двум молодым женщинам, стоявшим у ресепшн и обсуждавшим какие-то важные вопросы. – Отлично, что вы обе здесь!

– Доброе утро, босс! – немедленно отреагировала первой черноволосая и быстроглазая гречанка Катерина – администратор и старшая горничная, говорившая по-русски правильно, с едва заметным милым акцентом. – Сегодня еще...

– Не здоровались! – закончила за нее привычную присказку высокая, спортивного вида молодая женщина с огромной копной ярко-рыжих волос на голове – управляющая виллой. – Дядя Саша, ты куда-то спешишь? Что случилось?

– Есть срочное дело в порту, – непонятно ответил «босс», массируя пальцем левый висок со шрамом, который, видимо, его беспокоил. – Рыжая, принимай гостей сама, всех расселяйте, я вернусь к обеду и пообщаюсь. Думаю, что меня не будет пару часов, потерпят гости без хозяина. На ужине меня представишь постояльцам. Я из порта, скорее всего, зайду в полицейский участок, а потом уже домой, надо будет сделать еще пару важных звонков.

– Сделаем, дядя Саша! – тряхнула рыжими волосами Соня. – Не волнуйся! Может, помощь нужна? А то я быстро: мне только боккен из комнаты взять! Пять секунд! Давно я не разминалась! В Додзе занятия только послезавтра!

– Пока нет, потерпи, может быть, позже, – покачал головой мужчина и обратился к гречанке: – Катерина, свяжись, пожалуйста, с Костасом. Пусть немедленно идет в порт, его отцу, Никосу, потребуется помощь. И не надо делать такие круглые глаза! Ничего еще не случилось! Все в порядке! Просто Костас сейчас нужен в порту. Все ясно? Звони своему жениху, скажи, что я его встречу там, где всегда швартуется лодка его отца. И очень тебя прошу, без фантазий!

– Хорошо, босс! – кивнула очаровательная гречанка и, сорвавшись с места, бросилась названивать жениху.

– Дядя Саша, – подойдя поближе, произнесла вполголоса Рыжая Соня, как звали ее друзья, и взяла того за руку. – Ты уверен, что помощь не нужна? В чем дело-то?

– Надо помочь разобраться Никосу с сегодняшним уловом, Рыжая. Сам пока толком ничего не понимаю. Позвонил бармен из таверны рядом с Мариной – сказал, что Никос попросил меня подойти к причалу. Мол, дело срочное и не терпит отлагательств. Сказал, что полицию они уже вызвали, деталей не знаю. Расскажу обязательно, но позже! Ты за старшую!

И присмотри за Катериной, чтобы не болтала! Впрочем, это выше ее сил! – безнадежно покачал головой владелец гостиницы и, махнув рассмеявшейся управляющей на прощание рукой, быстро спустился вниз к калитке и вышел на улочку Апиранто.

– С уловом? – удивленно пробормотала про себя управляющая, продолжая улыбаться и глядя ему вслед. – А чего с ним разбираться? Больше десяти килограммов старый Никос сроду нам еще не привозил! Да это еще в лучшем случае! Совсем сдал старик, возраст! Зато отменную рыбу ловит, это правда, Петрос на него не нахвалится. А полицию-то зачем?

Пожав плечами, она повернулась к стойке ресепшн и, пока встревоженная Катерина тараторила в трубку по-гречески, общаясь со своим женихом, снова вернулась к изучению списка гостей. Сегодня день заезда – и гостиница снова полным полно. Вот-вот должны были начать прибывать постояльцы.

Паром, что шел из афинского порта Пирей с материка и сначала останавливался на Паросе, а потом уже прибывал на Наксос, полчаса как причалил к пирсу Хоры – столицы Наксоса, и туристы с чемоданами, сумками и прочим скарбом, что везут с собой «на всякий случай» отдыхающие на маленький греческий остров, направились в город в поисках заранее забронированного жилья.

Александр Владимирович Смолев, сорока пяти лет, русский, шел своим обычным пружинящим шагом в сторону моря по мощным мостовым столицы острова, быстро сбегая по многочисленным каменным ступенькам, привычно поворачивая в нужном направлении на узких развилках и перекрестках тесных улочек, украшенных цветами в горшках, лимонными деревьями в кадках с ярко-желтыми бугристыми плодами, разохшимися на солнце старыми деревянными вывесками и вьющимся виноградом.

Скоро полгода, как он – владелец небольшой виллы «Афродита» на острове Наксос – настоящий островитянин. Сколько всего произошло за эти шесть месяцев! Как опытному лингвисту, говорившему свободно на нескольких европейских языках, Алексу было проще выучить греческий за столь короткий срок в объеме, достаточном хотя бы для того, чтобы свободно общаться с местными жителями на бытовом уровне. Но, главное, Алексу – как звали его на острове – удалось завоевать доверие и уважение местных греков. Один из них сейчас и нуждался в его помощи.

Старый рыбак Никос, отец веселого студента – балагура Костаса, жениха Катерины, был одним из самых опытных рыбаков на острове. Еще бы! Почитай, полвека в море, практически каждый день, не считая воскресений.

«Неделя – для моря, – говорили рыбаки, собираясь воскресным утром на проповедь в старую беленую церковь на холме, – а воскресенье – для Бога!»

Рыбаки, может, в силу своей профессии, а может, – в силу островной традиции, были очень набожны и, в то же самое время, – крайне суеверны. Это можно было понять: весь их скудный доход зависел от моря, куда они выводили свои ярко раскрашенные утлые лодчонки, от старых многократно чиненных сетей, капризной погоды да госпожи Удачи!

«Тут, понимаешь, и в Христа поверуешь, и в Посейдона! – часто говорил ему Никос, швартуясь на привычном месте, когда Алекс, придя ранним утром на причал, наблюдал возвращение первых рыбацких лодок. – Особливо, когда ни с того, ни с сего твой дизелек глохнет посреди моря, сети пусты, в трюме течь, а сил уже нет – вот и молись кому хочешь, по очереди... Авось, кто сжалится да поможет! Я вот тезке своему часто молюсь – Николаю Чудотворцу! Часто он меня выручал из разных передряг... Порой так прижмет – рад бываешь, что домой живым вернулся, хоть и с пустыми руками!»

Старый Никос больше сорока лет возил свой улов в таверну матушки Софии, пока та не слегла по болезни и не выпустила бразды правления таверной из рук. Их подобрал ее племянник, «молодой, да ранний», как окрестила его бойкая на язык Катерина. Молодой человек решил, что замороженные бургеры, картошка-фри и пепси-кола гораздо выгодней свежих

морепродуктов. И Никос потерял работу, но ненадолго: Алекс, узнав об этом, немедленно предложил ему работать на себя и поставлять свежие морепродукты на кухню виллы «Афродита» и в таверну «У Ирины и Георгиоса». Старую таверну на самом берегу Смолев приобрел вместе с виллой и восстановил с помощью бывших хозяев – Димитроса Аманатидиса и его матери Ирины.

Ирины Аманатиди уехала на материк ухаживать за заболевшей старшей сестрой, но письма от подруг с острова, рассказывавшие о том, что ее старая таверна, простоявшая несколько лет закрытой, теперь считается лучшей среди других заведений на всем Наксосе, очень грели ей душу. А все благодаря повару Петросу и старому рыбаку Никосу, каждый день привозившему свежую рыбу, кальмаров, каракатиц и креветок.

Вот и сегодня, ранним утром, еще до рассвета Никос привычно вышел в море на своей старой лодке и взял курс на южную оконечность Пароса, планируя попытать счастья у островка Пантерониси. К рассвету он уже был на месте и закинул сети.

Ласковое солнце, отражаясь в прозрачной воде пролива, рассыпалось слепящими бликами по морской глади, и старик, из упрямства не признававший темных очков, жмурил глаза и прикрывал их ладонью. Настало время выбирать сети. Никос завел веревки на старый барабан, который помогал ему вытаскивать из воды тяжелую сеть, уперся покрепче босыми ногами в палубу и стал медленно тянуть. Очень скоро он почувствовал непривычную тяжесть. Рыба, запутавшаяся в сети, идет не так: она бьется, стараясь освободиться, – здесь же тяжесть была неподвижной, мертвой.

Сеть, поднимаясь из воды, постепенно сматывалась и укладывалась на палубу, наконец рыбак понял, что дальше тянуть не в силах. Той силы, что в молодости, у него в руках уже не было. Что ж, на этот случай у него есть лебедка: электродвигатель натужно заурчал, сеть быстро натянулась, барабан просел под тяжестью улова. Наконец-то из воды показался остаток невода. Какой-то большой черный предмет, запутавшийся в сетевом кармане, грузно перевалившись через борт, с глухим звуком упал на палубу между бортом и барабаном.

Никос, заслонясь рукой от яркого солнца, мешавшего рассмотреть улов, подошел поближе, нагнулся над сетью, чтобы распутать ее, и вдруг резко отшатнулся. Попятившись назад, он наткнулся спиной на пластиковый ящик для рыбы, опрокинув на палубу, да так и сел на него.

Солнце светило по-прежнему ярко, море нежно качало лодку, но, несмотря на это, мысли Никоса были мрачнее мрачного. Старый рыбак долго сидел в мучительных раздумьях. Потом, решившись на что-то, он вошел в рубку своей лодки, завел двигатель и взял курс на Наксос. До самой Хоры он из рубки так и не выходил.

Смолев уже вышел на променада Айос Георгиос, весь уставленный тавернами и магазинчиками для туристов, когда зазвонил его мобильный телефон.

– Саша, доброе утро, – прорезался сквозь помехи бас его друга и бывшего сослуживца, а ныне – главы Центрального Национального Бюро Интерпола Греческой Республики Виктора Манна. – Хотя, какое оно, к чертям, доброе – с такими-то новостями!

– У тебя-то что стряслось? – спросил Смолев, продолжая движение в сторону марины, где была лодочная стоянка старого Никоса, до нее было минут семь быстрым шагом. – В Афинах снег пошел? Говори, я слушаю!

– Снег пошел бы – радость только! Не поверишь, лепил бы снежки с утра до вечера! Все веселее, чем жуликов да бандитов гонять! – хмыкнул генерал Интерпола. – Все гораздо хуже: вчера во время заплыва между Паросом и Антипаросом на «морском марафоне» пропал очень важный свидетель. Мы его год разрабатывали! А он как в воду канул! И в прямом и в переносном смысле, черти бы его драли!

– Что значит «пропал»? – недоуменно спросил Смолев. – Куда он мог пропасть? Утонул?

– Да вот то и значит! Наше наблюдение обвел вокруг пальца, как щенят неразумных! В воду вошел на старте, а на Антипаросе из воды не вышел! – раздраженно ответил Манн. – По всем бумагам зарегистрировался, судья утверждает, что помнит его в лицо, мол, он к нему перед заплывом подошел, представился и нес какую-то чушь, отвлекая судью от работы, потому он его и запомнил.

– Какую чушь? – уточнил Алекс. – И чем тебе так важен этот свидетель?

– Да толком судья не помнит: что-то про погоду, про ветер свободы, ахинею какую-то нес! Зато судья помнит его, что он был на регистрации и в море ушел. Еще и повернулся, мол, и рукой судье помахал, мерзавец! А важен он нам, Саша, тем, что это бухгалтер одной из итальянских мафиозных группировок. Ты про неаполитанскую Каморру слышал что-нибудь? Я вышлю тебе справочку по электронной почте – волосы зашевелиятся! Мы этого Жан-Гвидо Пиани год разрабатывали! По крупницам из него информацию вытрясали! Год работы коту под хвост! Он обещал нам сдать все счета синдиката под гарантию неприкосновенности. Надо сказать, что босса его взяли в прошлом году, теперь всем на свободе заправляет жена босса – страшная женщина – но если бы мы получили доступ к их бухгалтерским книгам, счетам и всем операциям – они бы не продержались и двух недель. И мне вчера докладывают, что он пропал во время «морского марафона»! Понимаешь мое состояние?

– Понимаю, – хмыкнул Смолев, подходя к марине, где стояли рыбацкие лодки.

Уже издали он заметил, как рыбаки столпились большой группой рядом с лодкой Никоса, словно рассматривали что-то, лежавшее на молу.

– Чем я тебе могу помочь, генерал?

– Саша, друг мой дорогой, поезжай на Парос, выясни, что и как, – взмолился по телефону Манн. – С главным судьей соревнований переговори, со свидетелями: мне нужна информация из первых рук. А главное осмотри там, подумай, ты умеешь! У тебя головушка светлая, опыта в розыскной работе не занимать! Сделай доброе дело, Интерпол тебя не забудет! Кого же мне еще послать, когда такой профессиональный «кадр» в шести километрах?

– Ох, и льстец же ты, генерал! – рассмеялся Алекс, подходя к рыбакам, которые, завидев Смолева, стали молча расступаться и пропускать его вперед. – Ну, если надо – так надо, конечно, поеду. Но ты мне будешь должен! Следующие выходные вы всей семьей у меня в гостях! И никаких «дела не позволяют», слышишь? Как он выглядел хоть?

– Среднего роста и телосложения, фото пришлю, лицо незапоминающееся, совершенно не за что зацепиться взглядом! Такому в разведке служить, нелегалом, а он в бухгалтеры к мафии подался! На Паросе был в темно-синем гидрокостюме, со слов судьи, – да что в том толку? Получишь фото, потолкайся там по барам, он был любитель посидеть, охмурить девчонок, может, вспомнит кто. Вот такая невезуха! Сможешь завтра с утра выехать? В идеале, конечно, еще сегодня... Сможешь?.. Алло, Саша, ты пропал, ты меня слышишь, алло? Чертова связь! Алло?!

Смолев уже с минуту молча стоял в метре от безжизненного тела в темно-синем гидрокостюме, что лежало на берегу, запутавшись в сетях. Из-под тела натекала большая лужа морской воды, но не на нее смотрел Смолев.

Наконец, он пришел в себя и мрачно произнес в трубку:

– Не кричи, генерал. Я тебя слышу. И связь в порядке. Похоже, на Парос ехать незачем: твой утопленник нашелся. В метре от меня лежит на земле. Старый рыбак вытащил его сетями.

– Что? Это точно он? В синем костюме? Он точно мертв? – в отчаянии воскликнул глава Бюро Интерпола.

– Я не эксперт, Витя, – сумрачно произнес Смолев. – Но даже я скажу – однозначно мертв: у него нет головы!

Часть вторая

Вкусный завтрак – отдельный праздник в жизни!
Харуки Мураками

Закончив телефонный разговор с сержантом местного отделения полиции Дусманисом, Алекс задумался. Из разговора он вынес для себя, что в отсутствие старшего инспектора Антонидиса и в связи с обнаруженным трупом афинское начальство, не полагаясь на оставшиеся полицейские силы острова, все же решило направить на Наксос опытного и активного оперативника, который прибывает уже сегодня к вечеру.

Алекс пожал плечами – ему же меньше хлопот – и собрался уже было пойти на завтрак, как раздался звонок по интеркому.

Смолев нажал кнопку громкой связи.

– Доброе утро, дядя Саша! – раздался низкий, с хрипотцой голос Рыжей Сони. – Ты хоть на завтраке появишься, вчера на ужине так тебя и не дождалась! Катерина говорит, ты вернулся за полночь!

– Доброе утро, Рыжая! – ответил Смолев. – Буду через десять минут. А вчера замотался: сначала в полицейское управление, потом в больницу, потом общался с экспертами.

– Что-то серьезное? – спросила озабоченно управляющая гостиницей.

– Старый Никос привез в сетях мертвое тело, – нехотя ответил Смолев. – Выловил его у южной оконечности Пароса, там накануне был «морской марафон». Вот во время этого ежегодного заплыва один человек и пропал. Такое вот, понимаешь, совпадение.

– С ума сойти! – тихонько присвистнула Соня. – Кто такой? Турист? Или кто из местных?

– Ничего пока не известно. Полиция занимается этим вопросом, выясняют, думаю, что разберутся. Вот что, после завтрака с Катериной найдите Костаса: пусть передаст отцу, что он может эту неделю не ходить в море. Старик слишком потрясен. Да и примета паршивая. У местных рыбаков считается, что кто из моря труп достал – тому больше в промысле фарта нет, сколько в море ни ходи, а что еще хуже – мол, Смерть того пометила и скоро заберет. Суеверия, куда от них деваться! Так что старик пусть отдыхает, но мы ему все равно заплатим по-среднему, поняла? Потом сочтемся... В расходах по бухгалтерии проведите за мой счет.

– Поняла, что ж тут не понять! – согласно произнесла Софья. – Только другое непонятно: пока Никос в оплачиваемом тобой отпуске, где мы свежие морепродукты будем брать на виллу и на таверну? Что я Петросу скажу? У других таверн перекупать будем? Нам сейчас в день минимум двенадцать килограммов нужно! А лучше – пятнадцать! Сам знаешь, у всех поставщиков связи десятилетиями сложились. Кто нам отдаст улов? Побоятся работу потерять и постоянных покупателей. Сегодня ты перекупишь, они подведут людей, а завтра Никос снова выйдет в море, – и что им делать?

– Понимаю, это – сложный организационный вопрос, – безмятежно ответил Смолев, жмурясь на ласковое утреннее солнце. – Так вот ты его и решай! Ты же у меня управляющая! Это твоя головная боль! Я всего лишь хозяин – эксплуататор, то бишь! Мое дело – прибыль! Ты что, в своем «Финэке» политэкономия не изучала? Про такой предмет и не слышала? Повезло тебе... И не надо так громко протестовать! Что значит, местных рыбаков еще не знаешь? Молодая, красивая, – могла бы уже и познакомиться! Отбою бы не было... от морепродуктов! Ладно, ладно, шучу! Хорошо, придумаем что-нибудь, Рыжая, не переживай! Есть у меня на примете один капитан... Кстати, да и в самом деле, переговори-ка с Джеймсом Бэрроу, попроси тебя связать с капитаном Василиосом с судна «Афина». Они вместе работали весь сезон – занимались подводной археологией. Сам Василиос не рыбак, но, может, что подскажет. Он знает всех и вся на Кикладах. Найдет нам пару рыбаков, что будут готовы поделиться уловом.

– Хорошо, записываю, – произнесла Софья, немного успокоившись. – Бэрроу, Василиос... Так, с этим понятно. Про жильцов тебе сейчас доложить или на завтраке? Или ты с Катериной это обсудишь? Она уже с восьми утра все порывалась тебе позвонить и доложить как ответственная за расселение. Еле удержала, чтобы ты поспал.

– Ни в коем случае! – воскликнул Алекс. – По собственному печальному опыту знаю: до завтрака с Катериной никаких разговоров – заболтает! Останешься без завтрака. А то и без обеда, и без ужина! А и в самом деле, пойдем, посмотрим, чем сегодня с утра Петрос порадует, там и расскажешь про постояльцев.

Ровно через десять минут Алекс уже сидел за хозяйским столиком на нижней террасе, речный потолок которой был весь увит виноградной лозой – предметом гордости и постоянного внимания со стороны старого садовника Христоса. Благодаря его стараниям лоза плодоносила каждый год, вот и сейчас крупные зеленовато-желтые гроздья винограда асиртико свисали вниз с речного потолка в обрамлении ярко-зеленых виноградных листьев.

Завтрак всегда накрывался здесь – на просторной нижней террасе, где было прохладнее в утренние часы. Открытая верхняя терраса использовалась для ужина, когда солнце уже клонилось за горизонт, и можно было наблюдать, как оно погружается в море, окрашивая потемневший небосклон и морские воды в ярко-алые закатные тона.

Хозяйский стол стоял в небольшом отдалении, и, сидя за ним, Смолев мог наблюдать за всеми остальными столиками, где завтракали постояльцы.

Усевшись, он помахал рукой супругам Бэрроу. Лица Лили и Джеймса просияли улыбками, маленькая Кристина радостно помахала Алексу в ответ. Она с удовольствием завтракала хлопьями в молоке, поглядывая с нетерпением на маленький тортик, который специально для

нее испек Петрос, не чаявший души в маленькой шалунье. Джеймс и сам держал в каждой руке по свежей выпечке, поочередно откусывая от каждой и закатывая глаза от наслаждения.

Сегодня Петрос испек не только свежие круассаны, но и сдобные булочки с абрикосовым джемом, пирожки со знаменитым островным вареньем из айвы, блины с начинкой из сыра, зелени и творога, хрустящие палочки из теста с кунжутом, – все это великолепие присутствовало на столе англичан. Лили пила кофе с молоком, поглядывая со счастливой улыбкой на свое семейство и время от времени вытирая Кристине подбородок бумажной салфеткой.

Прекрасные люди, пожалуй, приглашу их с собой в поездку на Парос, подумал Алекс.

Уже вчера стало ясно, что без поездки все равно не обойтись. Он давно собирался сам прокатиться по ближайшим островам, но дела его никак не отпускали. А тут есть шанс объединить приятное с полезным.

На соседний стул опустилась Рыжая Соня. Копна ее огненно-рыжих волос была уложена в красивую русскую косу. Она молча положила рядом с собой толстый ежедневник в кожаном переплете и открыла его на нужной странице, которая была вся испещрена записями, сделанными ее мелким бисерным почерком.

Повезло вилле с управляющей, пришло в голову Алексу, наблюдавшему за Софьей. Он в ней не ошибся.

Пожалуй, приглашу и ее, подумал он. Но тогда надо звать и Петроса – сделаю им двоим небольшой подарок. Пусть грек отвлечется от кухни. Он повар первостатейный, но работает на износ: с раннего утра и до поздней ночи. К осени, глядишь, поженим эту парочку, вот будет праздник, улыбнулся Алекс своим мыслям, искоса с прищуром поглядывая на Софью, что наливала кофе из металлического кофейника себе и боссу.

– Что это ты так хитро смотришь на меня, дядя Саша? – встревоженно поинтересовалась Рыжая, невольно «зависая» с кофейником в руке. – Я этот взгляд знаю! Опять задумал чего?

– Ничего особенного, – пожал плечами Алекс, придвигая к себе поближе мисочку со свежим островным йогуртом и тарелку со слоистым белоснежным творогом. – Как думаешь, Петрос сможет на пару дней оставить кухню на кого-нибудь из помощниц?

– Не знаю, не знаю, – отчего-то смутившись, произнесла Соня. – Ты же знаешь его, он перфекционист! Помощницы есть, он их за последние месяцы хорошо обучил. Особенно Василики – замечательная женщина. Дети у нее взрослые, разъехались кто куда, так она всю душу в нашу кухню вкладывает. А сколько старых островных рецептов знает! Сильно Петроса разгрузила. Я-то думаю, что они справятся, но захочет ли он?

– Так вот ты и спроси, – согласно кивнул головой Смолев, смешивая в своей тарелке нежный йогурт с творогом и добавляя капельку варенья из айвы. – У меня в плане поездка на Парос – Антипарос. Хочу пригласить семью Бэрроу и тебя с Петросом. Арендуем баркас у капитана Василиоса, он нас не только туда-обратно доставит, но и вокруг островов покатает, – как ты на это смотришь? Денька на два? Погода благоприятствует морской прогулке. На Паросе переночуем, на следующий день, вечером – обратно. Заодно решим с ним вопросы по поводу морепродуктов для кухни. Вернее, вы решите! Кому еще это обсуждать с капитаном, как не вам с Петросом? Гостиницу на Паросе сама закажешь, там у нас есть связи, Катерина знает. Расходы по поездке – за счет виллы, не забудь выписать командировочные. Лили и Джеймс хотели показать Кристине знаменитую пещеру, они на весь день уедут на Антипарос. У вас с Петросом будет два дня. Погуляете там, осмотрите достопримечательности. Вдвоем. Пока я по своим делам буду бегать. Ну, Рыжая, так как ты смотришь на мое предложение? Что молчишь?

Алекс мог бы и не спрашивать, таким счастьем засветились зеленые кошачьи глаза его управляющей. Она, не сдержавшись от радости, в порыве благодарности вдруг чмокнула Алекса в щеку, тут же покраснела и совершенно смутилась.

– Ладно, ладно, – пробурчал он довольно, делая вид, что не замечает ее смущения. – Давай-ка по делу: расскажи мне, кто все эти замечательные люди, которых я вижу за столиками?

– Да, да, конечно, – мгновенно собралась с мыслями Софья и пододвинула свои записки поближе. – Давай! С Бэрроу все понятно, они в своем традиционном третьем номере. Мы им предлагали номер попросторнее, но там балкон поменьше, они решили остаться в старом. Их все устраивает. Джеймс подтвердил, что они, как минимум, здесь до конца сезона – еще два месяца. Мы для них рассчитали стоимость проживания, как ты и говорил, с учетом скидки.

– Понятно, – кивнул Смолев, делая глоток ароматного кофе с молоком и придвигая поближе плетеную корзинку с выпечкой. – Молодец, дальше!

– Теперь пойдем по номерам, – продолжила Соня, водя длинным пальцем по строчкам своих записей в ежедневнике. – Номер первый: француз Мишель Готье, винодел, винный эксперт, представитель известного французского Коньячного Дома Готье в одиннадцатом поколении. Вон он сидит за столиком, справа от Бэрроу: молодой человек лет тридцати пяти, очень приятный. Его отец – нынешний глава Коньячного Дома – отправил сына в путешествие по миру «за новыми идеями», как он сказал, прежде чем он будет готов передать ему управление семейным предприятием.

– Прекрасно, обязательно познакомимся, надо будет свести его с местными виноделами. В первую очередь познакомить с Димитросом Аманатидисом и Леонидасом Спанидисом. Они примерно одного возраста и найдут общий язык, – проговорил Смолев, пытаясь сделать выбор между круассаном и булочкой с абрикосовым джемом. – А Дом Готье я прекрасно знаю. Отменные коньяки!

– Так, второй номер, – произнесла управляющая, – вон за тем столиком, в дальнем правом углу – холеный такой мужчина, блондин с голубыми глазами, истинный ариец. Это немец, доктор Штаубе. Дал мне визитку, вот она. Я по-немецки не читаю.

– «Доктор Фридрих Штаубе, челюстно-лицевая и пластическая хирургия, стоматология. Гамбург», – перевел Смолев и вернул визитку Софье, которую она, надписав по-русски перевод, аккуратно убрала в специальную визитницу с надписью «Постояльцы». – Он зачем приехал? Отдохнуть? Надолго?

– Номер оплачен за две недели вперед, – пожалла плечами Софья. – Крайне немногословен, очень сдержан. Взгляд не слишком приятный. Пытались пошутить с ним, когда он вселился – он словно сквозь нас смотрит и не замечает. Да ну и Бог с ним! Дальше: в третьем номере – Бэрроу... Ага, в четвертом номере поселилась американская пара – Джош и Мэрилин Хьюстон. Молодые ребята, спортсмены. Виндсерфинг, кайтинг, подводная охота, дайвинг. Привезли с собой снаряжения четыре огромных рюкзака. Как дотащили только! Все сложили в подсобке у Христа, иначе в комнату они сами бы уже не поместились. Оплатили за неделю вперед. Веселые, нормальные американцы, что редкость. Очень оптимистичные и неунывающие! Все на вилле им очень понравилось сразу. Были счастливы, что бургеров в меню не будет.

– А где они? – ища глазами американскую пару, поинтересовался Смолев. – Не вижу что-то за столом.

– Что ты, дядя Саша, октись! – рассмеялась Соня. – Они уже час как на побережье у Микри Виглы, там сегодня отличный ветер и волны! Хорошие ребята, мне понравились... Еще общаются так забавно, если что не так, то говорят друг другу: «Хьюстон, Хьюстон, у нас проблема!»,¹ а потом так и покатываются со смеху!

– Ясно, кто дальше? – улыбнулся Алекс, сделав, наконец, выбор и принимаясь за хрустящий круассан.

¹ Стандартная фраза-позывной американских астронавтов, обращающихся к Центру Управления Полетами в Хьюстоне в случае каких-либо неполадок на борту – прим. автора

– В пятом номере поселился у нас итальянец Паоло Буджардини. Здесь его не ищи: он заказал завтрак в номер еще с вечера. Приехал паромом с Пароса, весь замученный, лицо бледное, глаза красные. Весь какой-то несчастный. Я даже хотела ему доктора вызвать. Он говорит: ничего страшного, просто на пароме укачало, а он не переносит даже малейшей качки. Отлеживается бедолага в номере. Маленький такой, толстенький. Плащ какой-то на нем несуразный, на два размера больше. Кто носит плащ в такую погоду? На груди – пятно от кетчупа. Я предложила ему сдать плащ в химчистку, но он меня, по-моему, даже не услышал. Толком я и не поняла, кто он и зачем.

– Постой, Рыжая, погоди, – нахмурил брови Алекс, оторвавшись от круассана, – как ты говоришь, Буджардини? Не из Неаполя, случаем?

– Точно! – сверившись со своей «картотекой», подтвердила Софья. – А ты как угадал? Ты его знаешь?

Смолев хмыкнул со значением.

– Я-то – нет, а вот Петрос, по-моему, заочно с ним знаком. Итальянец, говоришь? Его сын с женой – Риккардо и Габриэлла Буджардини – отдохали у нас месяц назад, проверь-ка по книгам. Если я прав, то это повар из Неаполя. Вернее, владелец небольшого семейного ресторанчика в Испанском квартале, где сам же и готовит. Он тогда помогал разрешить спор между Петросом и Риккардо по поводу того, как именно надо варить спагетти. Петрос наверняка его помнит!

– Да уж! Такого Петрос точно не забудет, – звонко рассмеялась Софья, задорно блестя глазами, – чтобы кто-нибудь учил его варить спагетти! Ладно, проверю. В шестом номере семейная пара из Португалии, уже в возрасте, под семьдесят. Насколько я поняла, жена – гречанка по происхождению, муж – португалец. Ее зовут Мария Лусия, но муж ее называет почему-то «Малу», хотя, я, кажется, догадываюсь, почему. Муж – Луиш Жилберту. Она его зовет... Правильно! Лу! В возрасте, но очень крепкие! Катаются по островам, у нас будут проездом, пока на три дня. Дальше собираются на Парос, Миконос и на Санторини. Везде дня по три-четыре. Что-то вроде запоздалого свадебного путешествия. Вон они сидят за столиком у края террасы, виноградом любят. По-моему, он имеет какое-то отношение к производителям портвейна. Но по-английски он не очень, а я по-португальски вообще никак!

– Ясно, – кивнул Алекс, вытирая замасленные пальцы бумажной салфеткой. – Думаю, что он говорит по-испански, в любом случае, пойдем друг друга. Испанский и португальский достаточно для этого близки. Кто в седьмом?

– В седьмом со вчерашнего дня живет японец – друг Фудзивары, Ямада Таро, мастер Иайдо. Ему шестьдесят семь лет, но он каждое утро занимается по четыре часа на берегу. Сама видела. Да с такой интенсивностью занимается – уму непостижимо! Я попробовала тайком, встала невдалеке, стала за ним повторять, не поверишь: через два часа – все! Спеклась! Через три дня он проводит семинар в Додзе для учеников. Уже сорок два человека записались. Ты придешь?

– Конечно, мы к тому моменту уже вернемся с Пароса, – подтвердил Смолев. – Постараюсь не пропустить этот семинар. Ты портрет Фудзивары, что в Додзе висит, пока сенсея нет на острове, – сними. Ямада Таро заметит, скажет мастеру – тот нам уши оборвет. Он был против, но так положено, он – глава школы. Повесим обратно, когда японец уедет!

– В восьмом мы никого не поселили, как ты и сказал, будем заканчивать перепланировку, – кивнув, продолжила Софья. – Так, с большой галереей все. Теперь осталось три номера по малой. В девятом – студенты археологи из Афинского университета, практику проходят здесь по совету Джеймса Бэрроу. Юноша – англичанин, его подруга – гречанка. Студенты четвертого курса. Оба в очках, типичные отличники. Вон они сидят, за соседним столиком с Бэрроу. Очень воспитанные и скромные ребята. Его зовут Алфред Смарт, ее – Пенелопа Закинотиоти. Красивая фамилия!

– Она означает, что ее предки были с острова Закинтос, – пояснил Алекс. – По греческим фамилиям можно изучать и историю, и географию страны. А тут и история – Пенелопа, и география – Закинтиоти!

– Ясно. Думаю, что они проще к этому относятся, дядя Саша, – рассмеялась Рыжая. – Она его зовет Алфи, а он ее – Пенни! Современная молодежь, что ты хочешь!

Смолев неопределенно хмыкнул, но ничего не сказал.

– В десятом – Моник Бошан и Джульетт Гаррель, – продолжала Рыжая Соня, сверяясь со своими записями. – Все никак в себя не придут после того дела с импрессионистами. Уж очень они подружились с Мари и Гастоном Леблан, которые оказались и не Мари, и не Гастон, да и вовсе не Леблан. Ходят грустные, печальные. На завтрак не приходят, мы им в номер приносим. Через три дня уезжают. Ну, и в последнем, в одиннадцатом, поселились молодые парни, израильтяне. Три человека. Сперва они мне показались несколько странными: у всех затылки выбриты, выправка военная, одежда вся – цвета хаки. А зовут их, – она склонилась над записями, – Моше Коэн, Самуил Левин и Леонид Меламед.

– Солдаты в отпуске, наверняка, – пожал плечами Алекс. – В Израиле сейчас вся молодежь под ружьем, времена тревожные. Ты присмотри за ними. Солдат в отпуске – не всегда самый спокойный постоялец, сама понимаешь.

– Хорошо, присмотрю, – пообещала Софья. – Но пока ведут себя достойно, на завтрак пришли минута в минуту. За пятнадцать минут ровно позавтракали и ушли на море. Еще вчера они попросили у нас координаты местного дайвинг-клуба. Кстати, я так поняла, что Меламед у них старший, вроде сержанта. И по-русски он говорит свободно.

– Солдат приема пищи не пропустит, – хмыкнул Смолев со знанием дела, – но и за столом попусту не засидится... Ладно, я потом пообщаюсь с их сержантом.

В этот момент к их столику подошел Джеймс Бэрроу. Лицо его было взволнованно, а в руке он держал свой айпад. Алекс приветливым жестом пригласил его присесть за свой столик.

– Доброе утро, Алекс, – возбужденно произнес англичанин, присаживаясь рядом и благодарно кивая. – Нет, вы только послушайте, какие новости! Что пишут местные агентства! Во время «морского марафона» между Паросом и Антипаросом утонул человек! Его мертвое тело выловил сетями рыбак с Наксоса! Нелепость какая-то! Но как это возможно? Два года назад я сам ездил на Парос, был в Пунте и видел подобный заплыв своими глазами! Там огромное число спасателей, катера, лодки, местные телеканалы, фотографы следят практически за каждым! Весь заплыв транслируется в прямой эфир! Как он мог «незаметно» утонуть? А вернее, как они могли это обнаружить лишь после того, как закончился «марафон»? Вот, тут пишут, послушайте: «Ничто не предвещало столь трагической развязки. Из воды вышел последний участник, им оказался...» Так, это все не то, а, вот! «Службы спасения, которые вели постоянное наблюдение за ходом заплыва, отмечают, что не заметили ничего странного в поведении участников: никто не звал на помощь, не подавал признаков усталости, не поднимал руку в оранжевой перчатке в характерном жесте, которым обычно уставшие участники дают сигнал спасателям в лодке, что они сходят с дистанции...» Чушь какая-то! Я знаю, как вы любите всякого рода загадки, так вот – заявляю, что «незаметно утонуть» во время этого заплыва просто невозможно!

– Разрешите взглянуть, Джеймс, – попросила Соня и, приняв от англичанина айпад, углубилась в чтение статьи.

– Согласен, – перейдя на английский, ответил Смолев, потирая пальцем левый висок, который всегда начинал пульсировать, когда хозяин волновался, или ему в голову приходила какая-то неожиданная мысль. – Похоже, что дело сложнее, чем кажется... Что вы говорите, Джеймс: местные телеканалы? Очень интересно! Вот что, как вы смотрите на то, чтобы совершить морскую экскурсию на «Афине» на Парос и Антипарос? Кажется, вы давно обещали

Кристине, что покажете ей знаменитую пещеру, где жил Зевс? Предлагаю завтра ранним утром и отправиться! Я арендую «Афину» на три дня и предлагаю составить мне компанию. Как вы на это смотрите?

– Прекрасная мысль! – просияв, воскликнул англичанин. – С одним условием: Петрос даст нам с собой еды в дорогу! У меня есть отличная корзинка...

– Петрос едет с нами, – рассмеялся Алекс. – Зная его, голодать мы по пути точно не будем!

– О! Тогда никаких препятствий и быть не может! Решено! – радостно ответил англичанин и вскочил. – Пойду обрадую Лили и Кристину!

Джеймс Бэрроу подошел к своему столику и, склонившись, что-то рассказал семье. Было видно, как Лили и Кристина захлопали в ладоши. Семья англичан поднялась и, на прощанье помахав руками Смолеву и Софье, поспешила на пляж.

– Он снова забыл свой айпад! – произнесла управляющая с отчаянием, оторвавшись от чтения и заметив, что англичанин больше нет на террасе. – Потрясающая рассеянность! Он постоянно все везде теряет, мы находим его вещи по всей вилле! Как с такой рассеянностью он стал профессором археологии? Ты говорил, он умудрился даже что-то найти в море? Какой-то древний корабль? Амфоры с вином? Вдвойне удивительно! Ты уверен, что он именно «нашел», а не «потерял»?

– Он прекрасный ученый и отличный археолог, Рыжая, – по-прежнему задумчиво произнес Алекс. – А рассеянность... Рассеянность – признак гениальности. Он подал мне одну важную мысль, и мне необходимо ее проверить!

– Так ты думаешь, что этот пропавший и есть наш утопленник? – поинтересовалась Соня. – Почему тогда ни в одной заметке нет ни слова о том, кто именно утонул?

– Думаю, что полиция умышленно дозирует информацию, которая поступает в СМИ. И правильно, кстати, делает. Почему? Потому, что пока лишь мы знаем наверняка, что пропал один пловец и в море на следующий день найден один труп в такой же одежде, – хмуро произнес Смолев. – Но не факт, что это один и тот же человек! И похоже, что эта мысль пришла в голову не только мне!

Часть третья

*На море ничего нельзя знать наперед
– ни-че-го!*

Агата Кристи, «Десять негритят»

Большой двухмачтовый баркас с высокими бортами, выкрашенными в ярко-красный цвет, на которых с обеих сторон его широких «скул» гордо красовалась надпись «Афина» на греческом языке, ранним утром медленно отошел от каменного причала Хоры Наксоса и, беспрепятственно развернувшись в пустой бухте по широкой дуге, уверенно взял курс на соседние острова.

За десять минут до того по трапу на корабль поднялись Смолев и Рыжая Соня с Петросом, который играючи нес в мускулистой руке тяжелую корзину с провиантом «в дорогу», как он выразился, весело подмигнув Джеймсу Бэрроу. Корзина распространяла вокруг себя дурманящий аромат свежей выпечки, жареного мяса, лука, тушеных овощей и картофельной запеканки. Петрос унес ее в каюту до поры и вернулся на палубу.

Молодой матрос – один из двух помощников капитана – сноровисто отвязал швартовые канаты и убрал трап.

Баркас – гордость капитана Василиоса, кряжистого грека с окладистой черной бородой и обветренным лицом моряка, на котором живо поблескивали черные глаза под косматыми черными бровями – постепенно вышел на свою «крейсерскую» скорость, которая, по чести сказать, была не слишком велика.

Старый дизель натужно шумел, толкая тяжелое судно вперед.

Но волны с веселым плеском бежали за бортом, утреннее солнце ласково светило, свежий ветер бодрил путешественников, лишая их последних остатков сонливости, которую не смогли окончательно победить ни крепкий кофе, ни ранний завтрак на террасе виллы «Афродита». Старый баркас медленно продвигался вперед, но никто никуда особенно и не спешил.

На нижней палубе баркаса, на корме, рядом с грузовым трюмом, на мягких матрасах, разложенных по скамьям, первыми прибыв на хорошо знакомое им судно, с комфортом расположились Джеймс и Лили Бэрроу.

Кристина с удивлением и радостью разглядывала корабль, капитан которого произвел на юную путешественницу неизгладимое впечатление: он сперва картинно выпустил клубы дыма из своей длинной трубки и, сверкнув глазами, проревел по-английски нутряным басом: «Добро пожаловать на „Афину“, юная леди!», чем заставил ее сразу боязливо спрятаться

за Лили, а потом вдруг неожиданно протянул ей вкусный леденец в виде большого красного дельфина – и откуда только взял, старый пират!

Видимо, заранее подготовился, подумал Джеймс Бэрроу и, улыбнувшись, покачал головой. Он подхватил дочку на руки, и, чувствуя себя в безопасности, девочка осторожно приняла подарок бывалого моряка.

«Ну, вот и славно!» – довольно пробурчал себе под нос капитан и, затаенно улыбаясь в бороду, отправился в свою рубку на верхнюю палубу.

Алекс оставил Петроса и Соню на корме в компании семьи Бэрроу и ловко поднялся по лестнице, что вела к капитанскому мостику. Капитан, хорошо его знавший, встретил Алекса молчаливым кивком и крепким рукопожатием.

– Нам будет необходимо обойти Парос с юга, – Смолев развернул небольшую карту и показал капитану вычерченный на ней маршрут. – Со слов Никоса, вот здесь было найдено тело. Видите крестик? Меня интересует, могло ли течением вынести тело в эту точку на второй день вот отсюда, если допустить, что оно принадлежит пропавшему участнику соревнований, вы понимаете меня?

– Чего ж здесь непонятного, – пожал могучими плечами капитан Василиос, внимательно вглядываясь в карту, не отпуская при этом штурвала. – Можно и так подойти, хоть это и будет, как это сказать, небольшой «крюк». Дело хозяйское. Только я вам сразу скажу, что вот отсюда, – грек ткнул черным пальцем с пожелтевшим от табака ногтем в карту, где был обозначен маршрут «морского марафона», – вот сюда, где у вас крест обозначен, господин Смолев, мертвец смог бы попасть только в одном случае – если бы усиленно греб руками и ногами. И так – целые сутки! Да и то – не факт! Течение, что здесь идет вдоль берега Пароса, причем, довольно сильное, особенно для пловца-одиночки, идет в противоположную сторону! Его никак не могло сюда вынести. Мы пройдем там, чтобы вы убедились сами.

– Следовательно, капитан, – медленно произнес Алекс, осмысливая сказанное, – вы считаете, что тело не могло снести в эту точку с маршрута, по которому проходил заплыв? Вот он на карте обозначен пунктиром.

– Совершенно исключено, – уверенно покачал головой Василиос. – Никаких шансов.

– Хорошо, – помедлив, продолжил Смолев. – Тогда скажите, где надо было сбросить тело, например, с лодки, чтобы оно оказалось в этой точке? И когда?

Капитан «Афины» еще раз внимательно взглянул на карту, закрепил штурвал, неспешно набил трубку табаком, – на сей раз это был «Черный Кавендиш», подарок Джеймса Бэрроу – раскурил ее, выпустив клубы ароматного дыма, и только затем задумчиво произнес своим рокочущим басом:

– Будь я проклят, если тело не сбросили в воду вот в этом районе, между островками Дриониси и Пантерониси. И аккурат в ту самую ночь, незадолго до того, как старый Никос вышел в район Пантерониси на своей развалюхе.

– Почему именно в этом районе? – спросил Смолев, в свою очередь внимательно изучая карту. – И почему в эту ночь?

– Течение, – пожал плечами капитан «Афины». – Если бы дальше – унесло бы от острова дальше к югу, а затем в пролив Наксос – Парос. Если бы западнее Пантерониси – тоже на юг бы унесло. А если труп нашелся здесь, значит, не дальше Пантерониси он и попал в воду. Думаю, что в воде он провёл недолго, часа четыре, прежде чем старый Никос его вытащил, бедолага. Как раз достаточно, чтобы тело сюда снесло. Впрочем, в полиции скажут точнее: говорят, они знают, как определить, сколько времени утопленник в морской воде проболтался.

– Ясно. Да, дождемся заключения экспертизы, – кивнул Алекс, что-то напряженно обдумывая. – Еще вопрос, капитан. Скажите, в Эгейском море водятся крупные хищные акулы? Особенно в этом районе? Что говорят рыбаки?

– В любом море есть акулы, – пожал плечами капитан, возвращаясь за штурвал и корректируя курс корабля, – раз они где-то есть, то могут оказаться в любой момент и в любом другом месте. Не все это понимают, оттого и гибнут порой... В море всякой живности полно. А рыбаков меньше слушайте – наболтают такого! У них каждая рыба, что сорвалась с крючка, – с полтонны весом! А к чему вопрос, господин Смолев?

– У тела, что было обнаружено, не хватает кистей рук и головы, – мрачно заметил Смолев. – Возникает вопрос, могли ли это сделать акулы?

– В море все может быть, – сказал, поразмыслив, капитан. – На то оно и море! Но, все-таки, маловероятно... Здесь, у самого острова?.. Акулы у нас есть, безусловно, много и разные. Опасных, правда, вида два-три, не больше. Многих перебили, большинство ушло на глубину. Иногда появляются. Может, и из Средиземного кто заплывет или еще откуда подальше. Кто ж его знает, что там на глубине плавает и какого оно размера! Лично я за сорок лет, что стою на палубе, ни разу не захотел это выяснить! Море – есть море!.. Так случайно узнаешь – и забудешь про сон, по мне – так лучше и не знать!

– Тогда почему маловероятно? – поинтересовался Смолев, внимательно слушавший капитана. – Раз есть акулы, они могли это сделать?

– Кисти рук и голова? – недоверчиво прищурился капитан Василиос и погладил бороду. – И все? И только-то? Где ж вы такую сытую акулу видели, чтобы она этим лишь ограничилась? А сколько при этом крови выльется в воду? Из живого-то человека? Да все акулы в округе, если они есть в радиусе пяти миль, будут знать об этом через десять минут! Чувствительные твари! Говорят, они чувствуют каплю крови на милю воды! Будь здесь стая акул – его бы разодрали на куски, верьте моему слову! Ничегошеньки бы не оставили!

– Из живого человека, говорите? – повторил за ним Смолев задумчиво. – Да, понимаю, понимаю. Хорошо! Тогда давайте пройдем мимо тех островов, что вы назвали: хочу увидеть все своими глазами. Потом пойдем в пролив, где проходил марафон. Затем – в порт Хоры Пароса. Дальше – определимся!

– Добро! – согласился капитан и, сверившись с курсом, слегка переложил штурвал влево.

Смолев, оставив капитана, спустился на нижнюю палубу и прошел на корму, где Джеймс оживленно что-то рассказывал внимательно слушавшим его спутникам.

– Вы даже не представляете себе, какие чудеса скрывает от нас морское дно! Целые города ушли под воду, с храмами и святилищами, с площадями, мощеными дорогами и крепостями! Особенно здесь, в Эгейском море!

– Почему именно в Эгейском? – спросила Рыжая Соня, сидевшая рядом с Петросом напротив английской пары.

– Землетрясения! – поднял руку Джеймс и указал пальцем в небо. – Это раз! Это сейсмоопасный район, и землетрясения здесь нередки. К счастью, таких мощных, что уничтожило огромный остров Тиру, который многие историки и археологи принимают за древнюю Атлантиду, описанную греческим философом Платоном, не было уже несколько сотен лет. И слава Богу! От Тиры, что оказалась в жерле огромного вулкана, остался крошечный островок – Санторини. И пострадала не только она: волна цунами дошла до Крита и полностью уничтожила загадочную минойскую цивилизацию! Это была катастрофа вселенского масштаба! Есть над чем потрудиться нам – археологам...

– А два? – поинтересовалась неугомная Соня. – Если есть «раз», должно быть и «два»?

– А «два», – грустно улыбнулся англичанин, – это тот самый «парниковый эффект», который приводит к тому, что тают ледники в горах, уменьшаясь в объеме за последние несколько лет практически в десятки раз! Стали стремительнее таять льды в Гренландии, Арктике и Антарктиде. Почему? Все просто: лед тает в тепле! Климат меняется, льды тают и, превращаясь в воду, меняют уровень мирового океана!

– Ну, насколько они могут его изменить? – усмехнулась Софья. – На метр за сто лет? Кто это заметит?

– На самом деле, дорогая Софи, это только так кажется, – англичанин стал серьезным. – Поверьте, прогноз гораздо более пессимистичный! Если ничего не изменится, темпы таяния льдов в Северном и в Южном полушариях тоже сохранятся, то при условии, что все льды растают, уровень мирового океана поднимется на шестьдесят четыре метра! И это будет очередной Вселенский Потоп!

– Что это значит, милый? – тихо спросила Лили, накрывая утомившуюся и задремавшую в тени Крестину легким покрывалом.

Англичанин порылся в своем рюкзаке и вытащил оттуда потрепанный справочник, пролистал его и, открыв на нужной странице, передал жене.

– А это значит, дорогая, – произнес он, – что все города, которые находятся сейчас ниже отметки в шестьдесят четыре метра над уровнем моря, будут затоплены.

Лили начала негромко читать вслух:

– Копенгаген – пять метров над уровнем моря... Стокгольм – четырнадцать метров, Лондон... Бог мой, Джеймс! Лондон – сорок пять метров! Париж – сорок девять метров! А мы еще ни разу не были в Париже! Какой ужас! Рим – пятьдесят метров! Да тут десятки городов! Они что, все уйдут под воду?

– Дядя Саша, – растерянно повернулась Софья к Алексу, – а Питер? А Москва?

– Москва, слава Богу, – сто тридцать метров над уровнем моря. Вот Питеру повезет меньше. В самой высокой точке – тридцать метров, – ответил Смолев, поразмыслив мгновение. – Джеймс совершенно прав: если все и дальше будет идти так, как идет, то лет через двести-триста...

– Неужели ничего нельзя поделать? – проговорила Софья ошарашенно. – Ведь это так очевидно? А как же правительства всех стран, ООН, – неужели этого никто не видит?

– Ученые давно бьют в набат. Проводятся конференции, международные симпозиумы по проблемам, связанным с изменением климата, разрабатываются требования к ограничению выбросов угарного газа в атмосферу, чтобы замедлить процесс «парникового эффекта». Да что толку! Большинство правительств в современной Европе – это марионетки: они пришли к власти на несколько лет и прекрасно понимают, что если не станут плясать под дудку могущественных финансовых кланов, давая им возможность наживаться всеми способами, – они не просидят в своем кресле даже положенного им минимального срока, – пожал плечами Смолев. – Когда им думать о том, что произойдет с планетой через сто лет? После них – хоть потоп, они временщики, безответственные демагоги, болтуны и популисты. Вдобавок, есть еще одна гипотеза, которая даже теоретически сводит на нет все возможные усилия человечества по защите от глобального потепления, – не так ли, Джеймс? – Алекс повернулся к англичанину, который очень внимательно его слушал.

– Безусловно, – подтвердил археолог. – И это еще печальнее. Кстати, с вашей точкой зрения на европейский истэблишмент я совершенно согласен! Я бы еще жестче сказал: стадо безграмотных и безответственных ослов! Ну, а по теме... Есть мнение, что влияние человечества на изменение климата не так уж и велико, как кажется. По разным оценкам, три, может быть, пять процентов от силы. Есть теория, что Земля таким образом проходит циклы своего рода «обновления», «очищения», если хотите. Меняется угол наклона земной оси за счет движения колоссальных тектонических плит, сдвигаются магнитные полюса, соответственно, отдельные участки Земли то уходят под воду, то наоборот поднимаются в виде гор и островов из Мирового Океана; ледниковые периоды сменяются периодами глобального потепления. Это именно глобальные климатические циклы планетарного масштаба. И мы здесь ни на что повлиять не в состоянии. Раз в несколько тысяч лет на нашей планете меняется климат. Очень

хочется надеяться, что мы с вами не стоим на пороге такого цикла. Хотя все факты, к сожалению, говорят об обратном.

– Что же будет с человечеством? – тихо спросила Рыжая Соня. Петрос взял ее за руку и ободряюще улыбнулся. Она светло улыбнулась ему в ответ.

– Оно будет переживать трудные времена, – подтвердил Алекс. – Но я верю в человечество: оно выживет и, возможно, как и наша планета, «очистится» и станет лучше. Так что давайте-ка смотреть в будущее с оптимизмом! А ничто так не добавляет оптимизма, как бокал вина и вкусный обед, не так ли, дорогой Джеймс?

Англичанин подскочил на месте: предложение Смолева попало на благодатную почву и было встречено с восторгом.

– Отличная мысль! – просияв, воскликнул он. – Мы готовы к обеду! От этих научных разговоров на свежем воздухе у меня дико разыгрался аппетит! Родная, буди ребенка! Когда еще грядет Великий Потоп, а регулярным и здоровым питанием пренебрегать не следует! Помню, на моем острове говорил мне один диетолог...

Вся компания дружно и весело рассмеялась. Настроение присутствующих явно поднялось.

– Петрос, друг мой, – обратился к повару Смолев. – Предлагаю устроить импровизированный обед прямо здесь, на палубе, как вы на это смотрите? А девушки вам помогут! Когда все будет готово, пригласим и капитана.

– У меня все готово, босс, – звучным баритоном уверенно произнес повар. – Осталось только накрыть на стол!

– Прекрасно! С радостью поучаствую в этом процессе, если мне позволят! – отозвалась Лили. – Софи, Петрос, я в полном вашем распоряжении!

Через каких-то пятнадцать минут на столе появились несколько кастрюль, большая жаровня, три блюда, несколько глубоких мисок и подносов. Выкладывая еду из кастрюль и жаровни на подносы, Петрос комментировал свои действия англичанину, внимательно следившему за ним жадным взглядом.

– Это обязательно стоит попробовать: это баклажаны, фаршированные рисом и мясом, называются мелидзанес, надеюсь вам понравится!

– Никаких сомнений, – подтвердил Джеймс Бэрроу, вооружившись самой большой тарелкой и вилок. – А это что за блюдо? Я его не пробовал раньше!

– Это печеные томаты, доматес-гемистес, а справа от них – фаршированный сыром перец. А в этой мисочке, рядом с мусакой – лук, тушеный с сельдереем. Очень полезно для здоровья! – улыбнулся повар. – В этой кастрюльке – фасолада, легкий суп из бобов, зелени, томатов, моркови и сельдерея. Специально для Софии.

– Да, это мой персональный заказ! – подтвердила Рыжая Соня, протягивая Петросу миску для супа. – А то я без супов как-то загрустила. Очень вкусно, всем рекомендую! Особенно вот с этим пирогом, называется... Называется... Ну же, Петрос, я забыла! Он с соленым сыром и шпинатом.

– Спанакопита, – произнес, широко улыбаясь, грек. – Персонально для вас, господин Бэрроу: бараньи отбивные на косточке. Приготовлены на гриле с оливковым маслом и тимьяном. Называются пайдакья-схарас. Кушайте на здоровье!

– Чудесно, а это что, на подносе? – поинтересовалась Лили. – Рядом со знакомыми нам сувлаки? Вот тут, слева от жареной баранины.

– Это мясные котлетки из баранины и говядины, – улыбаясь, пояснил Смолев, приходя на помощь повару, который в этот момент уже накладывал еду на тарелку нетерпеливо ожидавшему Джеймсу и не мог отвлекаться, чтобы ответить на вопрос Лили. – Называется бифтекья, вот те жареные тефтели – кефтедес. Это голубцы, а это – долма. Приятного аппетита, Лили! Кушайте на здоровье, а я пойду, приглашу капитана.

Обед длился уже добрых полчаса, когда Джеймс Бэрроу наконец насытившись, стал рассказывать внимательно слушавшим его собеседникам историю о «Летучем Голландце»: корабле-призраке, что вечно бороздит бескрайние морские просторы и не может пристать к берегу. Иногда матросы других судов могут видеть этот корабль в призрачной дымке, окруженный светящимся ореолом, но встреча с «Летучим Голландцем» не сулит ничего хорошего экипажу судна.

– А почему его так называли, милый? – поинтересовалась Лили. – Расскажи подробнее!

– Это очень мрачная легенда, дорогая! Она гласит, что триста с лишним лет назад голландский капитан Филипп Ван Страатен возвращался в Голландию из дальнего плавания к берегам Ост-Индии с грузом пряностей и опиума. На борту корабля были пассажиры – супружеская пара, которых капитан обещал довести домой, в Амстердам, но так и не сдержал своего обещания. Ван Страатен был человеком необузданного нрава, жестоким и коварным. Ему приглянулась жена пассажира, и капитан, убив ее мужа, предложил ей выйти замуж за себя. Молодая женщина от горя покончила с собой, выбросившись за борт.

– Какой кошмар! – негодуя, воскликнула Лили. – Вот мерзавец! Да как он мог?

– Что было дальше? – мягко улыбнувшись англичанке, поинтересовался Смолев.

– А дальше, при попытке обогнуть мыс Доброй Надежды корабль попал в свирепый шторм. Часть экипажа во главе со штурманом взбунтовалась и потребовала переждать непогоду в какой-нибудь бухте. Капитан лично застрелил штурмана и нескольких недовольных матросов, а затем поклялся страшной клятвой, что никто из его команды не сойдет на берег до тех пор, пока они не обогнут мыс, даже если придется плыть вечно! Говорят, что в этот момент в ответ на его богохульство и в качестве кары за все злодеяния с небес раздался Голос, который произнес: «Да будет так! Плыви!» Теперь он, проклятый, неуязвимый, но неспособный сойти на берег, обречён бороздить волны мирового океана вместе со своим экипажем до второго пришествия. Вот так! И горе тем морякам, кто его увидит!

– Боже мой, какие нелепые суеверия, Джеймс! Вы же ученый! – весело рассмеялась Соня, вызываяще тряхнув копной ярко-рыжих волос. – Да, я тоже слышала эту историю про «Летучего Голландца», но я в нее не верю! Мой отец ходил штурманом дальнего плавания больше двадцати лет и ни разу его не встретил! Это просто морская легенда, которой триста лет!

– Легенды и мифы – тот материал, с которым нам, археологам, приходится работать, и, порой, очень плодотворно, – несколько смущенно пожал плечами Джеймс. – Не следуй Шлиман подсказкам «Илиады» Гомера, он бы не нашел Трои!

– И все равно, одно дело Гомер, другое – суеверия, – упрямо продолжала Соня. – Хотя... Вот давайте спросим капитана Василиоса, пусть он нас рассудит! Капитан, что вы скажете: «Летучий Голландец» существует?

Капитан, уже закончивший обед и внимательно слушавший историю, что рассказывал Джеймс Бэрроу, неспешно набил табак из кисета в свою трубку. Все, ожидая ответа, смотрели, как он ее раскуривает и выпускает первые клубы дыма.

– Сложно сказать, дорогая София, – на греческий лад обратился к Соне владелец «Афины». – У моряков масса разных легенд и суеверий. Часть из них, возможно, правда, а часть – вымысел. Сложно понять, где какая часть! Но за те сорок лет, что я стою на палубе, я еще никогда в своей жизни не встречал...

– Капитан! – вдруг раздался тревожный голос его помощника с верхней палубы. Он говорил по-гречески. – Справа по борту – катер без опознавательных знаков! Похоже, дрейфует у Пантерониси. Мне показалось, что есть явный крен на правый борт, на палубе людей нет! Что делать будем?

– Прошу простить, друзья, – капитан извинился перед собеседниками и, спеша, направился на верхнюю палубу, где находилась капитанская рубка.

Смолев последовал за ним, его познаний в греческом хватило, чтобы понять, о чем сказал помощник. Они поднялись в рубку. Переговорив с помощником, капитан отправил его на нос баркаса.

– Ну, что скажете, Василиос? – поинтересовался Алекс, внимательно наблюдая в бинокль за катером, что действительно дрейфовал метрах в ста от небольшого островка. – Ваше мнение?

– Налицо явный крен на правый борт, – встревоженно прогудел капитан, приняв бинокль от Алекса и рассматривая катер. – С таким креном сразу ясно – что-то не так! Наверняка, в трюме течь. Вон как его течением мотает. Ясно, что катер неуправляем! Людей на палубе нет, флага нет, надписи на бортах, похоже, тоже нет! Первый раз в наших водах такое вижу! Что делаем?

– Идем к катеру, – решил Смолев. – Я на него высажусь. Вы меня прикроете. «Большая Берта» с вами? Ну и отлично. Если там есть пострадавшие, окажем помощь!

– Ох, не нравится мне это все, – пробурчал капитан в бороду, берясь за штурвал и направляя баркас в сторону катера. – Мы как раз в том районе, где тело могло упасть в воду.

– Вот и проверим, что к чему, – кивнул Смолев, достав из кобуры свой «Herstal FN». – Вряд ли это просто совпадение...

Скорректировав курс, капитан закрепил штурвал, затем откинул кусок брезента и открыл крышку деревянного ящика.

Смолев увидел знакомый ему устрашающего вида дробовик сокрушительного четвертого калибра и коробки с патронами. «Большая Берта» была сделана по специальному заказу и в огневой мощи вряд ли уступила бы небольшой вертлюжной пушке, что раньше устанавливали на баркасах для защиты от пиратов. Смолев имел возможность увидеть этот дробовик в действии. Страшная вещь! Тогда он оглох почти на сутки.

Алекс пожал плечами: ничего другого все равно нет.

Он перегнулся через леер и в двух словах обрисовал Софье ситуацию. Та уже кратко перевела его слова англичанам. Джеймс удивленно и встревоженно присвистнул.

Через десять минут, когда капитан, заглушив заранее двигатель, подошел вплотную к таинственному катеру, а его помощник быстро и надежно закрепил швартовый конец, так, что и баркас, и катер теперь дрейфовали вместе, Смолев, держа пистолет в правой руке, ловко перескочил через борт катера и, осмотревшись, осторожно спустился в трюм. Все это время капитан стоял на мостике, держа наготове свой дробовик, и внимательно следил за происходящим.

Компания на корме, затаив дыхание, ждала его возвращения. Минуты тянулись, а Смолев все не появлялся. Наконец он вышел. Лицо его было непроницаемо. Все выдохнули с облегчением.

– Что там, дядя Саша? – встревоженно крикнула Соня по-русски. – Помощь кому-то нужна?

– Уже нет, – мрачно ответил Алекс. – Прости, Рыжая, мне срочно надо позвонить.

Пока Смолев набирал телефон Виктора Манна – главы Национального Бюро Интерпола, Джеймс Бэрроу, обращаясь ко всем одновременно и будто к каждому в отдельности, задумчиво произнес:

– Вот тебе и «морские суеверия» ... Что же теперь будет?

Часть четвертая

Не существовало на свете силы, способной подчинить их помимо их собственного желания. Все они сохранили свободную волю, выбрав путь насилий и убийств. Противостоять им могла только смерть. Или здравый смысл.

Марио Пьюзо, «Крестный отец»

С юных лет Сальваторе Дженнаро усвоил простую истину: все люди делятся на волков и на овец. Волки живут свободной, вольной жизнью, чувствуют себя хозяевами и не подвластны ничьей воле, а овцы... Что с них взять! Их стригут и режут. Овцой Сальваторе быть не хотел, и тому были веские причины.

В Испанском квартале старого Неаполя, где он родился и вырос, это правило работало так же точно, как швейцарские часы, какие он частенько снимал с богатых зазевавшихся туристов и, не давая им опомниться, быстро убежал и бесследно терялся в муравейнике узких и грязных улочек, проворно пряча свою добычу на время в одной из десятков темных подворотен под образом Девы Марии в стеклянной раме, освещенном неровным светом лампадки – уж там-то искать точно не будут!

Испанский квартал старого Неаполя, или Квартieri Спаньоли, тянувшийся вдоль улиц Виа Тринита дельи Спаньоли и Виа Толедо, получил свое название со времен Арагонского правления XV – XVI столетий, когда здесь стояли испанские гарнизоны.

В этой части Неаполя проживали низшие слои населения, люмпены и бродяги. Уже в те времена квартал славился обилием публичных домов и сомнительных заведений, пользовавшихся успехом среди солдат испанских гарнизонов, бывших регулярными завсегдатаями местных злачных мест – отсюда и название.

Знатные неаполитанцы и просто благоразумные гости города уже в те времена старались обходить квартал стороной, поскольку грабежи, насилие и убийства были тут обычным явлением. Даже королевские указы почти не имели здесь никакого действия, а лишь усугубляли социальный хаос.

Со времен средневековья к веку двадцатому в квартале внешне мало что изменилось: мрачноватые узкие щели между домами, которые и улицами-то назвать было сложно, часто заваленные грудями мусора, с полуразвалившимися лестницами и угрожающе низко свисающим из окон бельем, которое жители квартала по-прежнему вывешивают сушиться наружу – словно напоминание о его сомнительном средневековом прошлом.

Правда, многие современные туристы, стремившиеся узнать, что такое «настоящий Неаполь», видели все иначе: в их глазах Испанский квартал был привлекателен миниатюрными узкими улочками и живописными переулками, небольшими домиками и уютными кулинарными заведениями – итальянские семейные ресторанчики здесь на каждом шагу!

Но что взять с чокнутых туристов? Пусть выдумывают себе, что хотят! Сальваторе давно отнес этих беспечных толстосумов к «овцам», что, влекомые губительным любопытством, сами заходили на его территорию, где он охотился, и часто платили за свою неосмотрительность – то фотоаппаратом или дорогой видеокамерой, то золотыми часами, а то – и пухлым бумажником, набитым деньгами и кредитными картами. Часть денег Сальваторе брал себе, а все остальное нес своему другу Винченце: тот знал, куда пристроить и ценные вещи, и банковские карты.

Когда Сальваторе было всего семь лет, в Неаполе стояли американские войска. Он часто вспоминал те годы. Его отец и мать были честными тружениками – отец не раз подчеркивал это с гордостью. Что толку? Стены сырого полуподвала, где они жили, в промозглую зиму покрывала вонючая зеленая плесень, от которой было невозможно дышать.

Младшая сестренка Сальваторе, маленькая Анита, всегда тяжело болела зимой, надсадно кашляя в своей кроватке целыми днями. Ни на доктора, ни на дорогие лекарства у семьи Дженнаро тогда не было денег. Не было денег даже на молоко. В квартале царили бедность и нищета. Мать и отец вместе с сотнями других безработных обивали пороги благотворительных организаций и кабинетов местного муниципалитета, даже отстояли почти сутки в очереди в при-

емную к местному депутату, – но всем было плевать! Это Неаполь! Так говорили им. Здесь нищета и бедность были всегда, пожимали плечами государственные чиновники. Не можете содержать детей, не рожайте! Не вешайте свои проблемы на государство, ему и так тяжело – кризис!

Сальваторе запомнил на всю жизнь бледное, худенькое, заострившееся личико своей младшей сестренки, на котором ярко выделялись ее черные глаза, наполненные мукой и страданием. Он запомнил и мать: отчаявшись и подавляя глухие рыдания, она часами простаивала на коленях перед образом Девы Марии, моля ее о помощи. Почерневший от горя отец постоянно сидел, безвольно сложив натруженные руки и виновато опустив голову, за столом, застеленным убогой клеенкой, где стояли бутылка дешевой граппы и треснувший стакан. Сальваторе тогда был слишком мал, чтобы помочь родителям, но их муку и отчаяние он чувствовал всем сердцем.

В одну из таких дождливых зим его младшая сестренка умерла. Умерла тихо под утро. Мать уже не плакала: у нее больше не было слез.

Той зимой, возвращаясь с холодного кладбища домой, где едва ли было теплее, Сальваторе понял, что если он хочет выжить сам и помочь семье, он должен что-то предпринять.

Однажды зимним утром, дождавшись, когда дождь наконец стихнет и ненадолго выглянет солнце, он вышел из дома и пошел со своим другом Винченце к его дяде – Доменико Гуллотта.

Сальваторе робко стоял в своих мокрых рваных ботинках на пороге хорошо обставленной квартиры на третьем этаже, окна которой выходили на залитую солнечным светом площадь, боясь сделать шаг за порог – и так вон какая лужа с него натекла! Не выгнали бы взащей...

С кухни доносился аромат пасты и жареного мяса с томатным соусом, и, сглатывая голодную слюну, Сальваторе ждал, пока Винченце, зашедший в гостиную к дяде, объяснит тому суть его визита. Из кухни пахло так пронзительно, что Сальваторе, который не ел уже вторые сутки, почти терял сознание. Когда плотный краснолицый мужчина с черными усами на мясистом лице наконец открыл дверь гостиной, мальчик был уже близок к голодному обмороку.

Дон Доменико, внимательно присмотревшись к бледному, исхудалому лицу ребенка, покачал головой и зычно крикнул в сторону кухни: «Лаура, покорми детей! Бестолковая женщина, не видишь, они голодные!» и, наклонившись к Сальваторе, положил ему тяжелую руку на плечо и добавил: «О делах потом поговорим!»

С кухни прибежала раскрасневшаяся сестра дона Доменико, толстая итальянка с плоским и добрым лицом, всплеснула руками и, обняв Сальваторе за плечи, повела его на кухню, усадила и через мгновение, которое показалось тому вечностью, поставила перед ним огромную миску с дымящейся пастой, залитой томатным соусом с мясом, чесноком и базиликом. Скоро и его дружок Винченце составил ему компанию.

Винченце, бодро усаживаясь за стол рядом с Сальваторе, дрожащей рукой робко намазывающим спагетти на вилку, весело ему подмигнул и, улучив момент, когда добрая тетка Лаура отвернулась к своим булькавшим кастрюлям, прошептал: «Все в порядке! Дядя берет тебя на работу! Я за тебя поручился, будем работать вместе!»

Родителям Сальваторе ничего не сказал в тот день. Он пришел домой уставшим, отяжелевшим от обильной пищи, молча лег спать и проспал до самого утра.

Ему было всего десять лет, когда он уже знал достаточно английских слов, чтобы предложить солдатам американского гарнизона сигареты, наркотики или проститутки, стоявших в соседней подворотне, выступая своего рода торговым агентом за небольшие комиссионные.

Иногда его друг Винченце приносил ему свертки, которые надо было спрятать. Один из свертков он развернул: холодным черным блеском сверкнул ему в лицо тяжелый пистолет. От него исходил резкий характерный запах пороха. Сальваторе аккуратно завернул его вновь

и спрятал, как и просили. Через месяц Винченце забрал пистолет, передав Сальваторе двадцать долларов. Их хватило на продукты для всей семьи на целую неделю. Больше содержимым свертков он никогда не интересовался, пряча и храня их столько, сколько потребуется.

Скоро к ним с Винченце примкнули еще несколько мальчишек с их улицы. Они стали промышлять в магазинах: одни отвлекали продавцов, другие воровали помаду, чулки и дешевые духи. Эти товары они легко сбывали проституткам за полцены.

Деньги Сальваторе нес домой и, втайне от отца, отдавал матери. У него родились еще две сестренки, и семья нуждалась очень сильно. Отец в очередной раз потерял работу и теперь старался найти возможность подработать в доках грузового порта, уходя туда на рассвете и возвращаясь почти за полночь.

Мать, взяв деньги, молча и крепко прижимала Сальваторе к себе, тяжело вздыхала и целовала его в голову. Она ни разу не спросила его ни о чем. Благодаря этим небольшим деньгам в доме семьи Дженнаро теперь всегда была паста, иногда даже салями, да и младшим сестренкам перепадало на молоко, а то и на конфеты.

Дон Доменико хвалил его, называл «смышсленным и ловким».

Еще через год Сальваторе поручили распространять билеты подпольной лотереи. Выручку и журналы с записями о продажах он приносил лично на квартиру дона Доменико раз в неделю. Полиция никогда не задерживала его, считая его слишком юным. Он научился писать и неплохо считать. Даже сложные числа Сальваторе легко складывал в уме и почти никогда не ошибался.

Видимо, дела с лотереей шли настолько хорошо, что однажды довольный дон Доменико лично вручил ему пухлый конверт, сказав: «Твоя доля за месяц, теперь будешь получать постоянно. А вообще, парень, тебе надо пойти учиться! Уж больно ты толков! Я подумаю об этом!» и, потрепав мальчика дружески по щеке, дон Доменико снова отправил его на кухню, где тетка Лаура пекла большую пиццу. Сальваторе спрятал конверт в карман. Нетерпеливо проглотив два куска пиццы и поблагодарив добрую женщину, он выскочил за дверь.

Прямо в подъезде, не отходя от двери дона Доменико, Сальваторе достал конверт и пересчитал деньги. Там была целая тысяча, и не лир, а долларов!

Он смотрел и не верил своим глазам. Это было больше, чем он заработал за весь прошлый год! Сальваторе спрятал эти деньги в конверт и понесся домой, к матери и сестрам. В тот же день они переехали в другую квартиру, что пустовала в доме – на самом верхнем этаже. Домовладелец, узнав, кто претендует на жилье, почему-то немедленно явился сам с ключом и лично отпер дверь синьоре Дженнаро, прибавив на ухо Сальваторе, что для друзей дона Доменико он готов сделать большую скидку, жаль, что они не обратились к нему раньше.

Отец, вернувшись из порта, где он снова безрезультатно прождал весь день в поисках работы, устало пытался что-то возражать, но мать посмотрела на мужа таким взглядом, что тот сразу сник и замолчал.

Мать побежала на рынок и, вернувшись, приготовила настоящий пир! Вся семья собралась за столом, синьора Дженнаро пригласила всех соседей, таких же нищих и обездоленных, как и они сами. И здесь впервые Сальваторе услышал слово «Каморра». Сидящие за столом соседи, искоса поглядывая на парнишку, говорили вполголоса о Каморре, как о чем-то могущественном и таинственном.

Сальваторе ничего не знал о Каморре.

Винченце и его дядя никогда не произносили этого слова. Они говорили: «система». «Ты работаешь в системе, мальчик, – говорили ему. – Система о тебе позаботится, только работай!» А еще звучало: «семья Гуллотта».

Свою банду мальчишки называли «Отморозки». Скоро они контролировали уже несколько улиц Испанского квартала.

Когда Сальваторе исполнилось пятнадцать, дон Доменико Гуллотта стал поручать им более серьезные вещи: получать деньги с должников на тех улицах квартала, что контролировала банда. Это были владельцы маленьких кафе, семейных ресторанчиков, продуктовых лавок и прочие торговцы, которые и сами-то едва сводили концы с концами, но это не спасало их от рэкета. «Системе» платили все. Иногда это были денежные взносы, приуроченные к многочисленным религиозным праздникам: «подарок на Рождество», «подарок на Пасху» и прочее; иногда владельцу просто говорили, что и где он будет покупать для своего ресторана. А мало ли надо ресторану! Паста, томаты, мясо, специи, морепродукты, оливковое масло, салфетки, скатерти, полиэтиленовые пакеты для мусора, наконец! Если покупаешь у «системы», у тебя не будет проблем, говорили владельцу. И он ничего не мог поделать. У него была семья. «Система» жестоко расправлялась с теми, кто осмеливался пойти наперекор. Жестоко и показательно. Но этим занимались другие. Сальваторе говорил Винченце, а Винченце докладывал дяде о непокорных, и тот сам решал, кто и как о них должен «позаботиться».

Вздумавшего возражать «семье Гуллотта» лавочника Пьеро Вида застрелили из пистолета прямо у дверей его лавки среди бела дня, когда он стоял, скрестив руки на груди и приклонившись спиной к витрине своей лавки.

Проезжавший мимо скутер остановился на мгновение, и его водитель, молодой парень лет двадцати, выхватив пистолет, выпустил в голову лавочника целых три пули. Одну – пока тот стоял, и две, когда тело уже лежало на земле. Потом убийца дал по газам, и скутер бесследно исчез в соседних переулках. Жители квартала, еще мгновение назад стоявшие у лавки, моментально испарились, и улочка опустела задолго до приезда полиции.

На следующий день младший брат Пьеро – Марио Вида – сам принес деньги в конверте дону Доменико, дрожа и покрываясь липким потом, несмотря на прохладный день. Все, до последней лиры.

Он долго стоял на коленях у закрытой двери в квартиру дона с конвертом в руках, плача от страха за себя и за свою семью. Хорошо было известно, что «система» не щадила целые семьи. Старый кодекс каморры, когда дети и женщины были неприкосновенны, давно канул в небытие.

Лишь через час тяжелая дверь открылась, и Винченце, выйдя из квартиры дяди, забрал конверт у почти отчаявшегося лавочника. Племянник дона долго смотрел на Марио Вида сверху вниз с глубочайшим презрением, оттопырив нижнюю губу, потом протянул руку и двумя пальцами брезгливо взял конверт и вернулся в квартиру, захлопнув за собой дверь, не обращая внимания на рыдания и заискивающие слова благодарности у себя за спиной. Сам дон Доменико, разумеется, так и не снизошел до просителя.

Когда Сальваторе исполнилось шестнадцать лет, он уже был заметной фигурой в своем квартале. Все знали, что он один из главарей подростковой банды, имевшей право воровать во всем Неаполе, приближенный к одному из главарей каморры.

Настал день, когда клан дона Доменико – «семья Гуллотта» – перешел на торговлю наркотиками, как и многие другие кланы. Это было самое выгодное дело. По всему кварталу были разбросаны «пьящцы» – точки, где можно было купить кокаин, героин, гашиш, марихуану, – все, что угодно, только плати! Каждая «пьящца» имела жесткую структуру управления: у нее был «хозяин», «наблюдатели», «охранники», «продавцы» и «курьеры». Доходы с одной «пьящцы» могли составлять двести-триста тысяч евро в месяц. В кратчайший срок «семья Гуллотта» буквально озолотилась.

Все жители знали, где продают наркотики. Наркоманы, купив наркотик, кололись здесь же, под ближайшим мостом, среди луж, разбросанных шприцев, груд мусора, консервных банок и полчищ крыс. Знала и полиция Неаполя. Регулярно она проводила рейды, захватывая то одну, то другую «пьящцу». Но наркодилеры каким-то чудом всегда успевали сбросить «товар» и вовремя покинуть притон, иногда за несколько минут до прихода полицейских.

Система раннего оповещения на улочках Испанского квартала работала прекрасно. Как только в воздухе звучало кодовое имя «Тереза», передаваясь из уст в уста, с одной улицы на другую – это означало: полиция вошла в квартал и планирует облаву или захват очередной «пьящцы».

Именно в шестнадцать лет Сальваторе впервые попал в тюрьму всерьез и надолго. К тому моменту у него было всего несколько задержаний по пустякам, когда, сняв с мальчика показания, полиция его отпускала. Впрочем, он уже давно сам не промышлял воровством или грабежом туристов, это время прошло.

Дон Доменико выполнил обещание: он нанял для толкового парнишки несколько учителей из университета, и те второй год обучали его математике, правописанию, юриспруденции и другим наукам. В клане его обязанностью стало ведение учета по продажам наркотиков, с чем он справлялся блестяще. «Семья Гуллотта» готовила его к поступлению в университет.

Теперь он мог не выходить из дома неделями: сводки о продажах с различных «пьящца» курьеры доставляли ему на дом в зашифрованном виде, как и его еженедельную зарплату в полторы тысячи евро.

Но однажды полицейские во время облавы остановили скутер, на котором сидел он и еще один каморристе по имени Антонио Малакарне. Обыскав скутер, полиция нашла несколько граммов героина. Владельцу скутера – Малакарне – грозил большой срок, за ним числилось немало дел, он уже имел три судимости. И, следуя неписаному правилу Каморры, Сальваторе добровольно взял вину на себя, заявив, что наркотик принадлежит ему, в надежде, что ему ничего не будет.

Он впервые просчитался.

Судья Бартоли дал ему пять лет тюрьмы.

После суда, когда рыдающую мать отец и сестры под руки уже вывели из зала, к Сальваторе подошел сам дон Доменико и пообещал, что все останется как прежде. Синьора Дженнаро станет получать половину его зарплаты, а другая половина будет перечисляться в «тюремную кассу», что обеспечит ему приличные условия содержания.

«Ты молодец, Сальваторе! – сказал тогда дон Доменико и снова потрепал его по щеке, как тогда в детстве. – Семья гордится тобой! Ни о чем не беспокойся! Мы вытащим тебя, как только сможем!»

Зайдя в свою одиночную камеру в тюрьме Поджориале, Сальваторе Дженнаро аккуратно разложил свои вещи, книги и учебники убрал в тумбочку, – учителя должны были приходить к нему и сюда раз в неделю, этого решения добился адвокат – поставил фотографии родителей и младших сестричек на полку, лег на кровать, которую для него специально застелили чистым бельем, сложил за головой руки и закрыл глаза. Будущее его совершенно не беспокоило.

Надзиратель, обходивший вечером блок, где сидели каморристы, заглянул в его камеру. Молодой парень безмятежно спал, и, судя по всему, видел хорошие сны, потому что во сне он улыбался.

Часть пятая

– Первое правило полицейского?

– Выпить кофе?

– Отработать все версии!

Доктор Кэл Лайтман, «Обмани меня»

– Ну что, Саша, друг мой дорогой, – произнес звучным басом спортивного вида загорелый крепыш, больше похожий на борца в вольном стиле, чем на генерала Интерпола, сбежавший по трапу яхты на пристань, – вот и снова свиделись! И как ты умудряешься находить улики даже в открытом море? Это или чутье, или удача! А может, и то, и другое? Ты просто везунчик!

Друзья крепко обнялись. Белоснежная красавица яхта, на бортах которой виднелась ярко-синяя надпись «Интерпол», пришвартовалась в марине Пароса за несколько минут до того, как Смолев, отправив Петроса и Соню в гостиницу, а семью Бэрроу на Антипарос – осматривать достопримечательности, наконец освободился и смог подойти в порт, чтобы встретиться со старым другом. Виктор Манн, узнав об обнаруженном катере, не смог усидеть в Афинах и через два с половиной часа, летя на всех парах, благодаря скорости служебной моторной яхты, тоже прибыл на Парос.

– Какое уж тут везение, – произнес Смолев хмуро. – Повезло, скажешь тоже! Как той корове, что сама себя забодала... Старый Никос в расстроенных чувствах, в себя прийти никак не может. Капитан «Афины», похоже, тоже не рад, что с нами связался. Катер он, конечно, сюда на буксире привел, но исключительно по моей просьбе. Сам бы, наверняка, плюнул и связываться не стал.

– Суеверный народ, что с них взять! – махнул рукой генерал Манн. – То, что катер вы привели, – большое дело сделали. Теперь следствие, авось, сдвинется с мертвой точки. Давай-ка пройдем во-он в ту таверну. Там у них отличные креветки на гриле. Всегда, когда на Паросе бываю, у них обедаю. Я пока к тебе неся, веришь, проголодался, как черт! Да и министр все нервы истрепал: за последние три часа позвонил дважды. Мол, «дело может иметь международный резонанс», видишь ли, «важно не уронить престиж греческих сил правопорядка». О чем они там раньше думали, когда этого «кадра» отпускали на Парос? Я их предупреждал... Ладно, пойдем в таверну, перекусим, а то аж живот подвело от голода. Заодно обсудим, что имеем и, как говорится, – «кто виноват?» и «что делать?» – ох уж мне эти вечные вопросы русской интеллигенции!..

Парос, в отличие от Наксоса, уже много лет заслуженно пользовался славой туристического рая на Кикладах. Множество таверн, магазинов, отличных отелей плотно заняли всю бухту Парикии – столицы острова.

Друзья медленно шли по набережной вдоль моря. Смолев любовался белоснежными домами в густых зарослях жасмина и развалинами старой византийской крепости на высоком холме. Но самой высокой точкой города была огромная христианская церковь в византийском стиле. Белоснежная, с ярко-голубыми ставнями многочисленных оконных проемов, прорубленных в мощной кирпичной кладке, двумя высокими колокольнями-звонницами и огромным круглым куполом с красной черепицей, она произвела на Алекса сильное впечатление.

– Красавица, что тут скажешь, – проследив за восхищенным взглядом друга, согласился Манн. – Ты же на Паросе впервые? Понимаю твое состояние. Здесь много церквей. Есть одна и вовсе уникальная. Настоящий шедевр! Считается старейшей в Греции христианской церковью. Кстати, она до сих пор действует, там идут службы. Сходи, внутри тоже есть на что посмотреть. И кладка, и фрески, и иконостас...

– Что это за церковь? – поинтересовался Алекс, не в силах оторвать взгляда от прекрасного древнего храма.

– «Экатонтапилиани» – это по-гречески. Ты же, вроде, учишь? – хитро прищурился Манн.

– Сто... сто дверей?

– Именно. «Церковь Богородицы стовратной». Или «Храм Панагии о ста вратах». Она единственная не белая, а сложена из разноцветного камня. И хоть старейший православный храм в Греции, между прочим, действующий до сих пор, заметь! Построен здесь Святой Еленой – матерью императора Константина в четвертом веке. Да, да, того самого! Храму, слава Богу, уже полторы тысячи лет, вот так-то! Да ты не туда смотришь, Саша! Во-он она, на том холме, чуть правее, видишь красный черепичный купол?

Храм Панагия Экатонтапилиани, Парос.

– А почему «стовратная»? – спросил Алекс, остановившись и внимательно рассматривая храм.

– Считается, что у храма – а там не только церковь, но и баптистерий, даже монастырский двор с кельями – ровно девяносто девять открытых дверей. А есть одна тайная, скрытая от общего взора, – пояснил Манн. – Так вот, по легенде, сотая дверь обязательно явится православным верующим сразу же после того, как Константинополь снова станет православным. И откроет им божественные тайны, что пока скрыты. Но ты же понимаешь...

– Ясно, – кивнул Смолев. – Думаю, что это произойдет не скоро. Боюсь, «наши турецкие партнеры» – как говорят политики – не согласятся отдать Стамбул Греции за «здорово живешь» и только ради того, чтобы у храма открылась еще одна дверь. Видимо, еще тысячи полторы лет придется подождать.

– А эта церковь никуда и не спешит, – кивнул Манн, заходя в таверну и выбирая столик в тени. – Мы все уйдем, а она будет стоять, как стояла. Она-то не спешит, а вот у нас с этим делом, Саша, сроки начинают поджимать. Девочка, меню принеси нам, красавица, будь добра! И кувшинчик белого вина домашнего сразу, – обратился генерал по-гречески к официантке в таверне у самой кромки морского приboя, когда они уже уселись на удобные плетеные стулья за стол, застеленный белоснежной скатертью.

Когда улыбчивая черноглазая гречанка принесла меню и поставила на стол запотевший глиняный кувшин с вином, Виктор Манн довольно крикнул и разлил вино по бокалам.

– Ну, Саша, будем здоровы! – он поднял свой бокал и с наслаждением его пригубил. – Уфф-ф, жарко... Холодное вино сейчас в самый раз! Ты давай выбирай! Я их меню наизусть знаю.

Смолев быстро пробежался взглядом по меню. Морепродуктов, пожалуй, у них больше: кальмары, каракатицы, осьминоги, лобстеры, креветки, мидии, одной рыбы девять сортов... Все есть: сибас, морской окунь, солнечник, рыба-меч, акула, барабулька, кефаль, даже треска

в кляре с чесноком и стейк из тунца. Он вспомнил, что за всей этой неразберихой с найденным катером они с Петросом и Соней так и не обсудили с капитаном Василиосом, где же им найти поставщика морепродуктов на ближайшее время, пока Никос не ходит в море. Вопрос решать надо срочно, иначе уже послезавтра на кухне «Афродиты» морепродукты закончатся. Он вздохнул и отодвинул меню.

– Что вздыхаешь, выбрать не можешь? – превратно истолковал его действия генерал. – Возьми креветки, они прекрасны! Я всегда беру двойную порцию. Они уже очищены, пожарены в оливковом масле на гриле с чесноком.

– Давай креветки! – легко согласился Смолев. – Так что с найденным катером, кто им сейчас занимается?

Генерал Манн быстро сделал заказ. Улыбчивая гречанка умчалась на кухню.

– Портовая полиция Пароса, – ответил Виктор, повернувшись к другу. – И еще один полицейский чин, что прибыл сегодня утром на Парос из Афин в командировку из столичного департамента полиции. Вернее, – прибыла. Будет вести дело от лица уголовной полиции, пока наш бравый Антонидис в отпуске. Не хочется его отзывать, пусть отдыхает.

– Это «она»? Кто такая? – удивился Смолев. – Дусманис мне что-то говорил, но был уверен, что пришлют «опытного оперативника со стажем». Ты, вроде, коллег из столичного департамента не сильно жалуешь?

– А она и есть... м-м-м... «опытный оперативник», – неразборчиво произнес Манн с набитым ртом, старательно жуя, после того, как окунул ломоть свежего хлеба с хрустящей корочкой в оливковое масло в миске, что стояла перед ним, и отправил его в рот. Прожевав, он, наконец, ответил вразумительно: – Единственная персона из всего департамента, к которой я испытываю искреннее уважение без каких-либо оговорок. Даже, я бы сказал, не менее искреннюю личную приязнь... Но, поскольку человек я давно и безнадежно женатый, ограничусь уважением. Зовут Медея Иоанниди, тридцать восемь лет. Капитан полиции, заместитель начальника столичного «убойного отдела», следователь по особо важным делам. Специализируется на организованном криминале. Несколько раз я пересекался с ней по делам службы, дважды пришлось даже поработать вместе. Молодец девочка, ничего не скажешь: умная, хваткая, с характером, – в общем, профессионал! Отец и брат у нее тоже полицейские. Такая вот династия. Я вас познакомлю. О, вот и креветки!

Официантка поставила перед ними большое дымящееся блюдо с креветками, две тарелки, плошки с чистой водой, в которой плавали дольки лимона – для рук, и, пожелав им приятного аппетита, отошла к другим посетителям – супружеской паре с ребенком, только что зашедшим в таверну и расположившимся за столиком в углу.

Через полчаса блюдо с креветками опустело. Генерал Манн заказал два кофе, тщательно вымыл руки в лимонной воде, вытер их насухо и достал из внутреннего кармана пиджака несколько сложенных вдвое листов с текстом, напечатанным на лазерном принтере. Алекс успел заметить многочисленные пометки перьевой ручкой, сделанные генералом от руки.

Алекс терпеливо ждал, пока Виктор соберется с мыслями и начнет разговор по существу.

– Ну, а теперь давай разложим все по полочкам, – произнес генерал, отхлебнув кофе и устало потерев большой выпуклый лоб. – Сперва немного истории, чтобы ты понимал, откуда «ноги растут». Есть у мафии такая романтическая легенда, что жили на свете три брата, три странствующих благородных испанских рыцаря: Оссо, Мастросо и Карканьосо. Однажды они были вынуждены отомстить за поруганную честь сестры и убили ее обидчика, за что были заточены местным герцогом в подземелье одного из итальянских замков почти на тридцать лет. Во время заключения братья не теряли времени зря. Став, как сейчас бы сказали, «криминальными авторитетами», еще в тюрьме они основали три мафии: Оссо основал Коза Ностру – переводится как «Наше дело» – в Палермо на Сицилии; средний брат, Мастросо – Ндрангету, что в переводе с греческого звучало как «отвага» – в Калабрии на юге Италии; а младший

брат Карканьоссо – неаполитанскую Каморру. Там же, в тюрьме, братья якобы разработали и самый главный закон мафии – Омерту, «закон молчания», основу всех мафиозных кодексов. Всем ясно, что это мифология, но главное, что хотят подчеркнуть этой легендой вербовщики мафиозных кланов, – это важность такого понятия как «честь семьи», почти родственную связь всех мафий и принципиальное значение Омерты. Такие вот, понимаешь, «рыцари без страха и упрека»!

– Очень любопытно, – внимательно слушая друга, Алекс добавил в черный кофе молока, два кусочка сахара и, задумчиво помешивая кофе ложечкой, поинтересовался: – Как ты говоришь? Ндрангета? Никогда не слышал. Продолжай!

– Вот, послушай дальше! Понятно, что в реальной жизни мафия выглядит совершенно иначе, чем в сказках о благородных рыцарях, вступившихся за честь сестры. И хотя у всех трех группировок итальянские корни, они давно ведут операции по всему миру. Неизменно одно: их штаб-квартиры. У Козы Ностры – Палермо, у Ндрангеты – Реджио ди Калабрия, а у Каморры – Неаполь. Впрочем, поправлюсь, еще один фактор тоже не менялся веками: мафия всегда там, где можно заработать деньги. Любыми способами, даже самыми кровавыми и бесчеловечными. Вымогательство, рэкет, грабежи, контрабанда спиртного, махинации со строительными подрядами, проституция, – все то, с чего они начинали. В наше время прибавились наркотики, оружие, вплоть, – да, не удивляйся! – вплоть до баллистических ракет и ядерных боезарядов, торговля «живым товаром», человеческими органами в том числе. Масштабная торговля артефактами, что вывозятся потоком из таких стран как Греция, Ирак, Сирия и Египет. Борьба с мафиозными группировками ведется уже не одно столетие, но пока все без толку! – генерал Интерпола раздраженно махнул рукой и долил себе и другу в бокалы вина из кувшина.

– Почему? – удивился Смолев. – Если все знают, где их штаб-квартиры, их главарей, чем они занимаются, почему не пресечь всю их деятельность?

– Пытались неоднократно, – кивнул генерал. – Арестовывали десятками главарей, их помощников, простых исполнителей. На какое-то время деятельность кланов приостанавливается, но вскоре возобновляется с новой силой.

– Почему это происходит?

– Тут есть несколько факторов, Саша, насколько я смог понять, – генерал снова потер лоб. – Во-первых, сами мафиозные кланы структурированы настолько четко, что у каждого члена есть своя функция и задача. Своя «колокольня», выше которой он просто не видит, да и о делах «семьи» в целом ничего не знает.

– Ну да, по примеру резидентуры: знает только своего непосредственного начальника, от которого и получает инструкции, – кивнул Смолев задумчиво. – Больше не знает никого, не говоря уже о высших чинах. Так, что ли?

– Точно! – подтвердил генерал Манн. – И так на каждой ступеньке этой лестницы. Поэтому собрать доказательную базу на главных действующих лиц всегда невероятно сложно, на это уходят часто годы, а то и десятилетия! Во-вторых, многие кланы, используя подкуп и шантаж, настолько проросли внутрь общества, как раковая опухоль, что среди членов Ндрангеты или Коза Ностры есть и адвокаты, и судьи, и прокуроры, чиновники, высшие военные чины, даже члены правительства! И эти замаскированные члены мафии делают все, чтобы замедлить, затормозить борьбу с криминалом.

– Неужели настолько сильный саботаж?

– О чем ты говоришь! Помнишь фильм «Спрут»? Детский лепет, но в правильном свете все показано. Часто дела разваливаются в суде, и мафиози выходят на свободу. И ладно бы только в самой Италии! Все гораздо хуже, Саша: Европа, Америка, даже Австралия, – эти кланы трудятся везде. Словно метастазы злокачественной опухоли, что распространяются десятками и сотнями каждый день по всему миру. Наше общество тяжело больно, и простой хирургической операцией здесь ничего не решить. Здесь нужна, как говорят врачи, «комплекс-

ная терапия». Мафия – как Лернейская гидра, отрубаяешь одну голову – вырастает две. Это империи, Саша, настоящие империи! Годовой оборот неаполитанской Каморры только в самом Неаполе составляет в год более пятнадцати миллиардов евро! Это в одном городе! Ндрангеты – под семьдесят миллиардов! Тебе назвать для сравнения годовой бюджет всего Интерпола для сравнения? Обнять и плакать!

– Черт знает что! – мрачно проговорил Смолев, покачав головой и отодвигая кофейную чашку. – Хочешь сказать, генерал, что все бессмысленно?

– Я этого не говорил, – отрицательно мотнул головой Виктор Манн. – Мы делаем свою работу и будем ее делать и дальше. Но мы – криминальная полиция – лечим симптомы, внешние проявления болезни. Раскрываем конкретные преступления, кражи, убийства, задерживаем целые партии наркотиков и оружия. Это все, безусловно, наносит потери мафии, но незначительные. Даже если это миллионы долларов – любая группировка отобьет эти потери за две-три успешные махинации. Это не решение, понимаешь? А еще они давно поумнели, на них работают прекрасные экономисты и финансисты. Еще лет пятьдесят назад кланы стали вкладывать деньги и в легальный бизнес, скупая недвижимость, магазины, рестораны, заводы и фабрики, строительные компании, даже газовые месторождения! Другими словами, любые успешные коммерческие предприятия. Стремительными темпами мафия отмывает и легализует свои доходы, являясь сегодня одним из наиболее крупных и успешных инвесторов в мире. Доходы от легальных источников создают для мафии финансовую «подушку безопасности». Поэтому давно стало понятно, что бороться с мафией необходимо именно на финансовом поле, вскрывать и разоблачать все их операции, выбивая у них почву из-под ног.

– Поэтому вы и «разрабатывали» этого «бухгалтера»? – уточнил Смолев.

– Именно, – подтвердил генерал и постучал пальцем по столу. – Если нам удастся нанести удар по их финансовой стабильности, хотя бы одной из группировок, это даст больше эффекта, чем очередное задержание партии наркотиков или двух-трех мафиози. Наркотики они привезут еще, а за мафиози вступятся лучшие адвокаты, для которых деньги давно уже «не пахнут». И задержанные либо выйдут на свободу, либо неплохо устроятся в тюрьме со всеми удобствами, откуда и продолжат проворачивать свои грязные делишки. А нарушенные финансовые цепочки, которые создавались годами, так быстро восстановить не удастся.

– Я согласен, – кивнул Алекс, в свою очередь подливая вина в бокалы. – Так что с этим «бухгалтером», кто он такой, почему оказался на Паросе? Откуда он вообще взялся?

– Да, давай теперь ближе к «телу», – невесело ухмыльнулся генерал Манн. – Его зовут Жан-Гвидо Пиани. Ему тридцать пять лет. По крайней мере, так написано у него в паспорте. Кто он такой на самом деле и сколько ему лет, – черт его знает! Откуда он взялся? Самая большая загадка. Такое ощущение, что свалился с неба. На него у неаполитанской полиции ничего нет. Мы трижды запрашивали – те только руками разводят. Девственно чистый файл. Они вообще такого человека не знают. Фото им тоже ничего не сказало, по картотеке они не смогли его найти.

– Да кто же он такой? – недоуменно спросил Смолев. – А дактилоскопия?

– Отпечатки пальцев мы не смогли им предоставить, он все время носит тонкие перчатки. Несколько лет назад он появился, словно ниоткуда, и стал, якобы, «бухгалтером» «семьи Гуллотта», которая специализируется в Неаполе на продаже наркотиков. Глава «семьи» последние три года – после того, как Доменико Гуллотта погиб в междоусобной войне за раздел территорий, – его племянник Винченце Гуллотта. Полтора года назад Винченце был арестован неаполитанской полицией. Тогда прошли десятки организованных облав на каморру – это случилось после «войны кланов».

– Они еще и воюют между собой?

– Что ты! Настоящая война! Передел территорий. Такое случается регулярно, кто-то позарился на чужие «точки», они называются «пьящцы». Одна такая «пьящца» по продаже

героина дает в месяц больше миллиона евро прибыли! Бились насмерть! Только самих каморристов погибло более пяти тысяч человек за два года. А сколько пострадало людей на улицах! Все улицы залили кровью! Тогда у жителей Неаполя лопнуло терпение, начались массовые протесты. Они вышли на улицы и обратились к итальянскому правительству с требованием ввести в Неаполь войска, чтобы усмирить бандитов. Полицейские части были усилены федеральным спецназом и во время облавы арестовали несколько сотен человек. После ареста Винченце у руля клана встала его жена Четтина. Такое допускается мафиозным кодексом. Спустя полгода, то есть около года назад, через одного из наших агентов Жан-Гвидо дал нам понять, что готов с нами сотрудничать.

– Как он объяснил свое желание? – спросил Смолев.

– Да никак! – пожал плечами глава Бюро Интерпола. – Он вообще не слишком разговорчив. У меня сложилось впечатление, что он одинаково люто ненавидит и полицию, и Каморру, и Ндрангету, и мафию вообще. Отчего вдруг так – пока нет у меня ясности... Правда, слова «Каморра» он ни разу не произнес. Все время говорит «система». Впрочем, как горшок ни назови...

– Ты лично с ним встречался?

– Дважды, – кивнул Манн. – В Риме. На нашей конспиративной квартире на виа Моргутта, пятьдесят один. Досталась от американцев, еще с пятидесятых. Там их резидент жил несколько лет, некий Джо Брэдли. Выдавал себя за репортера. Так вот... Темный полуподвал, стол, два стула. Лица почти не видно. Говорит вполголоса. Сразу установил свои правила. Мол, хотите, чтобы я сдал вам операции «семьи Гуллотта», имейте терпение, сам определю наилучший момент. Каждый раз передавал нам информацию по поставкам героина и кокаина от Ндрангеты. Сейчас этот мафиозный клан стал монопольным поставщиком наркотиков из Колумбии и Мексики в Европу. Своего рода – дистрибьюторы, черти бы их драли! Мы «накрыли» несколько поставок. Но когда стали разбираться, то оказалось, что из восьми задержанных партий пять предназначались Коза Ностре и только три Каморре, да и то другим кланам, что враждуют с «семьей Гуллотта»! Такая вот, понимаешь, загогулина!

– У тебя возникли сомнения в его искренности?

– Немедленно и серьезные. Я потребовал встречи. Сказал ему, что он морочит нам голову. Если мы не получим информации о деятельности непосредственно «семьи Гуллотта», то прекращаем с ним любые контакты. Воевать за него с их конкурентами мы не станем, пусть сами друг другу глотки рвут. У меня на операции один боец погиб, трое были ранены. Сказал этому Пиани, что если я пойму, что он водил нас за нос, я лично сообщу по своим каналам и Коза Ностре, и пострадавшим кланам Каморры, кто наш информатор.

– Жестко ты с ним, – покрутил головой Смолев. – Они же его в винегрет покروشат! Его проняло?

– А надоело цацкаться, Саша! Повозись с мое со всякой мразью, огрубеешь душой, – Манн стиснул тяжелые кулаки. – Мы бойца, что на операции погиб, всего за три дня до того женили, понимаешь? На свадьбе весь состав Бюро был, невеста у него молодая такая, девочка еще совсем... Ты бы видел, какими глазами она на меня смотрела, когда я к ней пришел с этой вестью!.. В них такой ужас застыл... Всего три дня мужней женой побыла – и уже вдова, легко ли – в двадцать-то лет?

Генерал замолчал. На его лице заходили желваки, а на кулаках вздулись вены. Смолев тоже замолчал. Да и что тут можно было сказать? Он прекрасно знал, каково это: сообщать жене друга, что муж ее больше не вернется. И смотреть при этом ей прямо в глаза, в которых колыхнется ужас, прекрасно понимая, о чем она сейчас думает. Они все – он знал это – в этот момент думают об одном и том же: как же так, ведь ты же вернулся! Ты-то выжил, уж не за чужой ли счет? Смотрят на тебя с подозрением, страхом и даже с ненавистью... Это проходит потом, когда наваливается горе, тяжелое и давящее, которое беспощадно выжи-

мает из человека все эмоции, выжигает нутро и на время делает его бесчувственным ко всему вокруг. Смолев давно понял, что это такой защитный механизм. Иначе человек сойдет с ума. Но в первые минуты ты всегда – враг. Поэтому, порой, чтобы прийти к вдове нужно иметь больше мужества, чем поднять роту в атаку или сходить за линию фронта.

Так они сидели и молчали, думая каждый о своем.

Волны прибоя тихо шелестели у ног, вынося на песок мелкие водоросли и прозрачную пену, быстро таявшую на солнце. Мальчик за соседним столиком бросил в воду пригоршню хлебных крошек, – и вода вокруг них забурлила: стая мальков атаковала угощение.

Прошло минут пять, прежде чем генерал продолжил.

– Проняло ли его? Не знаю. Но частичную информацию о финансовых операциях самой «семьи Гуллотта» он нам все же передал на третий день после нашего разговора. Там – банки, счета, несколько компаний, которыми они владеют через подставных лиц. Это было неделю назад. Еще через два дня этот «бухгалтер» вдруг приплывает на личной яхте на Парос, выходит с нами на связь и требует для себя вооруженную охрану. Я предупредил министра, что его необходимо было немедленно задержать и перевести на материк, в Афины. Министр уперся рогом и ни в какую! Мол, «куда он денется с острова, вам проще будет его здесь охранять!» Доохранялись! Через три дня стартовал «морской марафон», а дальше – ты знаешь!

– Когда будет готова экспертиза по утопленнику? – спросил Алекс.

– Через несколько дней. А что толку? У нас на этого Пиани кроме фото нет ничего: ни отпечатков пальцев, ни генетического материала. Ни одного волоска! Даже особых примет нет. Так что, уже сейчас могу сказать – пальцем в небо эта экспертиза ткнет: может он, – а может, и не он! Как говорится: «Дай ответ! – Не дает ответа!» Костюм такой же, по росту и телосложению они похожи. Но уж как-то все слишком гладко!

– Вот именно, – подтвердил Смолев. – У меня полное впечатление, что нам этого утопленника кто-то услужливо подсовывает: мол, вот вам, пожалуйста, пользуйтесь. Ни рук, ни головы! Капитан «Афины» Василиос утверждает, что его никак не могло вынести течением с маршрута «морского марафона» в этот квадрат, где старый рыбак его выловил сетями, – течения не позволили бы, понимаешь? Это надо проверять, конечно, но думаю, что моряк говорит дело.

– Проверим, проверим, обязательно, – кивнул Манн, внимательно слушая друга. – Что еще он говорит?

– Что на акул не похоже, мол, будь здесь стая акул, от него не осталось бы и воспоминания. И, скорее всего, тело попало в воду уже после того, как ему отделили руки и голову. Поэтому и крови в море вылилось немного. И по скорости течения, если его выбросили у Дриониси, он часа через четыре оказался бы у Пантерониси, значит тело бросили в воду ночью, часа в три ночи. В семь Никос уже забрасывал свою сеть. Кстати, со слов Василиоса, здесь любимое место местных рыбаков. По два десятка лодок проходят за сутки между этими двумя островками. Тот, кто бросал тело в воду, об этом наверняка знал. И шансы, что его выловят или заметят, были очень высоки. Не Никос, так кто-нибудь другой. И еще кое-что...

– Что, Саша?

– В том странном катере, без опознавательных знаков, мне показалось, что в каюте на полу – кровь. Ее, вроде, даже пытались замывать, или вылили несколько ведер морской воды, но вдоль стены явно видны подтеки. Катер, я думаю, пытались затопить. Но возникает вопрос: кто? И куда они делись сами? Какие у тебя версии?

– Версии?.. Версий масса! Я допускаю, что где-то, вероятнее всего – в Министерстве, произошла «утечка», и конкурентам «семьи Гуллотта» все-таки стало известно, кто «сдал» восемь поставок героина на общую сумму в миллиард евро. Они могли его выследить, выловить во время заплыва, пытаться на яхте или, чтобы не оставлять следы, на одном из островков, отрубить руки и голову и выбросить тело в море.

– Эта версия не объясняет, зачем ему отрубили и голову, и кисти рук, – покачал головой Смолев. – Утопить живьем, привязав к ногам груз, – это в стиле мафии. Перерезать глотку или застрелить из лупары – тоже. Причем, прилюдно, поскольку наказание должно быть показательным. А здесь что-то не вяжется...

– Согласен, – кивнул Виктор. – А главное, что за катер и откуда взялся? Вторая версия: допустим, что наш итальянский «друг» устроил весь этот спектакль для отвода глаз. Поэтому такой странный у нас уопленник. Ни с фото не сличить, ни отпечатков пальцев не снять.

– Тогда у него должны были быть подручные: кто-то его подобрал во время заплыва, потом они, допустим, перебрались на катере в этот район, где у них уже было спрятано тело на одном из островков, одетое точно в такой же гидрокостюм. Здесь они выбросили тело в надежде, что рыбаки его точно подберут и примут за пропавшего спортсмена. Допустим, этот катер и принадлежал самому Пиани или его помощникам.

– Почему тогда они его бросили и даже пытались затопить? В борту у него несколько отверстий ниже ватерлинии. Такое впечатление, что они стреляли по нему умышленно. И на чем тогда они уплыли сами?

– Может и стреляли, – да не они?

– Думаешь, был кто-то еще? – спросил Манн.

– Не исключено, генерал, – задумчиво ответил Алекс. – Похоже, что был кто-то еще. Или группа поддержки, или, наоборот, конкурирующая организация. Была перестрелка, в которой пострадал неопознанный катер. Если победили конкуренты, а вся эта затея с телом – лишь спектакль для отвода глаз, то твой бухгалтер, возможно, сейчас у них. А если конкуренты проиграли, то, возможно, их тела скоро обнаружат. Оба островка, особенно Дриониси, надо как следует обыскать. Василиос как-то обмолвился, что там есть пещеры. И не дает мне покоя свежая кровь на полу в кабине катера, которую пытались смыть. Что-то здесь не так.

– Эксперты все проверят, если это кровь, как ты говоришь, то сравнят с кровью убитого. Ждем, что нам скажут, пока выводы делать рано, – пожал плечами Виктор и гибко потянулся, словно сытый кот. – На острова высадутся завтра с раннего утра мои агенты, я уже распорядился. Думаю к ним присоединиться. Составишь компанию? Ну и отлично! Версий у нас с тобой много, но пока ни одна из них фактами не подтверждается... Утро вечера мудренее! Да, и знаешь что? Ну что мы с тобой все о делах да о делах! Смотри, какое море, какое небо, какой закат! А, пожалуй, давай-ка еще кувшинчик вина закажем, ты не против? У меня от всех этих служебных разговоров страшная жажда!

Часть шестая

*Есть вещи, которые приходится делать
– их делаешь, но никогда о них не говоришь. Их не пытаешься
оправдать. Им нет оправданий. Их делаешь и все. И забываешь.*
Марио Пьюзо, «Крестный отец»

Впервые Винченце Гуллотта хладнокровно убил человека, когда ему едва исполнилось двадцать.

Сейчас, спустя восемнадцать лет, – сколько всего произошло за эти годы! – он уже не мог вспомнить ни лица того несчастного мелкого лавочника, что вздумал противиться «системе», ни его имени, ни даже названия его убогой лавки на узкой улочке Испанского квартала, торговавшей дешевой пастой для бедняков.

Лавка закрылась через неделю после гибели владельца – семья убитого посчитала за лучшее немедленно покинуть Неаполь. На том месте вскоре открылось маленькое кафе всего на два столика, где посетителям подавали лишь ристретто в маленьких белых чашечках и стакан чистой питьевой воды.

Люди шептались, что кафе принадлежало «семье Гуллотта», содержалось на деньги «семьи» и служило местом встреч членов клана с нужными людьми. Ничего не помнил Винченце: ни дня, ни часа, ни даже времени года. Только одно врезалось ему в память – собственное холодное равнодушие, с которым он это проделал.

После первого убийства Винченце стал стремительно продвигаться по карьерной лестнице. Из простого «каморристи» он вскоре стал «капо пьятца» – начальником одной из точек продаж наркотиков на севере Неаполя. Он немедленно организовал дело на широкую ногу: героин, кокаин и гашиш можно было купить не только на самой точке, но и заказать по телефону, просто прислав кодовое слово и смс с адресом. На точку обрушился шквал заказов.

Винченце немедленно подрядил членов молодежной банды «Отморозков», дав им возможность зарабатывать на продаже наркотиков, и целая стая подростков-курьеров на скутерах была готова круглосуточно выполнить заказ на доставку «от двери до двери». Количество клиентов росло лавинообразно.

Выручку с «пьятцы» вывозили каждые два часа вооруженные до зубов «инкассаторы» на мощных байках и доставляли их в штаб-квартиру «семьи Гуллотта» в Испанском квартале, откуда деньги уже перекачывали в сейфы в банковских хранилищах, оседали на счетах подставных лиц, отмывались по сложным схемам через оффшоры и снова возвращались семье в виде недвижимости, доли в бизнесе, а то и в виде товаров для магазинов, которые контролировал клан.

Винченце богател вместе с «семьей». Скоро его личный доход составил пять тысяч евро в день. Он купил квартиру в Испанском квартале, куда перевез свою мать – больше у него никого из родных не было. Деньги «капо пьятца» складывал дома в сейф, не доверяя банкам. Река наркотиков текла, набивая карманы «семьи Гуллотта», и спустя год Винченце пришлось купить сейф побольше, скорее похожий на огромный бронированный шкаф.

Сам он никогда не употреблял наркотики и презирал тех, кто это делал. Это означало для него уподобиться тому человеческому отребью, тем совершенно опустившимся и потерявшим человеческий облик наркоманам, что иступленно кололись рядом с его «пьятцей», под соседним мостом, порой по двести человек за день, среди груд мусора, крыс и человеческих экскрементов.

Винченце как-то сразу понял, что наркотики – это смерть.

У человека, который их принимает, нет будущего. Есть только грязный мост, крысы и кучи дерьма. И то – ненадолго... У наркомана нет жизни, нет свободы, нет мечты. А у Винченце Гуллотта мечта была.

Он мечтал об этом с того самого момента, когда впервые пересек порог дома своего дяди Доменико Гуллотта. Он сразу понял, какой страх внушал его дядя всем окружающим его людям. Страх и уважение.

Став главой клана после войн Каморры в восьмидесятых годах, из которых он и его семья, благодаря мудрой политике дона, вышли без потерь, имея острый ум, изворотливость и твердость духа, дон Доменико сумел сплотить вокруг себя мощную и эффективную организацию, промышлявшую рэкетом, торговлей оружием, проституцией, контрабандой, подрядами на строительство и подпольными лотереями. Наркотики появились много позже. «Семья» уже много лет цепко держала в своих руках почти треть Испанского квартала, безжалостно расправляясь с неугодными. Многие кланы хотели бы видеть «семью Гуллотта» поверженной, но дон никогда не давал им даже шанса.

Винченце мечтал о том, что когда-нибудь он станет правой рукой своего дяди – уже это казалось само по себе несбыточным чудом, а потом – в этот момент он всегда крепко зажмурился и стискивал зубы, только бы не проговориться, не произнести это вслух – если его дядя вдруг погибнет или будет арестован, то во главе клана встанет он, Винченце Гуллотта! И все будут его бояться и уважать не меньше, чем дон Доменико, а много, много больше!

Время шло год за годом, его детская мечта начала приобретать реальные очертания. И все же, хоть он и был внутри «системы», он был, по-прежнему, лишь одним из многих. Да, его «пьяцца» работала, как часы, но таких точек у семьи было несколько. Тот же босяк Сальваторе, которого он привел к своему дяде в детстве голодным и дрожащим заморышем, благодаря своему умению считать – подумаешь, велика важность! – сумел выдвинуться и занять должность помощника бухгалтера. Пусть не Бог весть что, да и деньги не те, но помощник бухгалтера в клане всего один, а «капо пьяцца» – с десятков! Скоро, глядишь, и бухгалтером станет, а это, как минимум, общение с доном каждый день без ограничений. А он, племянник донна, должен, как и другие «капо пьяцца», записываться к дону на прием заранее! И где, спрашивается, справедливость?

Однажды в разговоре с дядей Винченце не выдержал и обронил несколько слов о том, что мог бы делать для «семьи» куда больше, чем просто торговать «дурью», если бы ему только позволили.

Дон Доменико бросил на него острый внимательный взгляд и ничего не сказал. Но, видимо, он запомнил слова своего племянника, потому что вскоре, спустя две недели, призвал его в штаб-квартиру и приказал передать дела новому «капо-пьяцца». На немой вопрос изумленного Винченце дядя похлопал его по плечу и произнес: «Ты хотел заниматься другими, более важными для семьи вопросами? Быть по сему. Будешь моим помощником. Есть и в самом деле проблемы поважнее, но об этом позже. Сдавай дела, тебе на все три дня. Не волнуйся, в деньгах ты не потеряешь!»

Это было время, когда на территорию «семьи Гуллотта» стал точить зубы клан Сантини. Вообще, надо сказать, что Каморра с момента своего появления никогда не была единой и монолитной организацией. Все кланы, что входили в «систему», как правило, строились вокруг какой-то семьи, где все члены были повязаны близкими родственными узами. Каждый год возникали новые кланы, и каждый год кто-то из старых уходил в небытие.

Были годы, когда Каморра насчитывала до двухсот семейных кланов в одном Неаполе, враждовавших между собой. Понятно, что основной тон задавали не более тридцати, но постороннему наблюдателю разобраться в том, что происходит, где чья территория и сфера влияния, порой было просто невозможно. Ситуация менялась каждый день.

Разобщенность кланов, с одной стороны, играла на руку полиции, с другой – арест боссов даже нескольких кланов ничего не решал принципиально с точки зрения существования Каморры – их территория немедленно поглощалась, и уже на следующий день новые хозяева продолжали делать все то же самое: облагали новым налогом торговцев, открывали подпольные игровые залы и публичные дома, точки по продаже оружия и наркотиков.

Каморра, пользуясь нищетой, безграмотностью и отчаянием беднейших слоев населения бодро вербовала молодежь, предлагая им баснословные барыши и социальную защиту в случае ареста. Если молодой каморристи погибал, его семья получала такую пенсию, что могла безбедно прожить несколько лет. Что же касается государства – то, как говорил дон Доменико: «В Испанском квартале нет государства, нет Италии. Здесь есть „система!“ А „система“ – это я!»

Кланов было огромное множество, хотя попытки собрать их воедино предпринимались. Дон Доменико рассказывал племяннику о наиболее ярких событиях в истории «системы», которых Винченце, по молодости, не помнил, а если и помнил, то не понимал до конца.

После развала в начале восьмидесятых годов «Нуова Каморра Организатта» – мощного клана под руководством Раффаэле Кутоло – по кличке «Профессор», структура Каморры стала еще более разобщенной. «Профессор» десять лет руководил огромной криминальной сетью из тюрьмы Поджориале и сумел собрать армию в семь тысяч бойцов, подчинить себе и обложить данью весь Неаполь.

Со временем он все же проиграл войну как другим кланам, боссы которых находились на свободе, так и неаполитанской полиции. Теперь более ста «семей» бились за раздел сфер влияния в Неаполе. И клан Сантини, имевший тесные связи с Ндрангетой, – не мудрено, ведь сам Джованни Сантини был выходцем из Калабрии – начал теснить «семью Гуллотта» с занятой территории.

История «Профессора» Кутоло, сумевшего подчинить себе все кланы, пусть и всего на десять лет, проиграть войну, но все равно выжить, и по сей день отбывавшего свои девять пожизненных сроков в итальянских тюрьмах, произвела на Винченце огромное впечатление.

Значит, это возможно! Вот к чему надо стремиться! К объединению кланов!

Он понял, что его детская мечта наполнилась новым смыслом, горизонты раздвинулись еще дальше, наполняя его душу гордостью и ощущением собственной значимости. Ну, а для начала надо «разобраться» с «семейкой Сантини», этими чужаками, что решили откусить кусок от семейного пирога. Винченце Гуллотта сможет доходчиво «объяснить» им, что этот кусок им не по зубам.

Получив полную поддержку дяди, Винченце немедленно принялся за дело. Из числа «Отморозков» он отобрал пятьдесят человек, самых крепких, смысленных и хладнокровных. Одним из его требований было: никаких наркотиков! У бойцов армии, что собирал Винченце, должны были быть крепкие нервы и ясная голова.

Он за свой счет экипировал отряд скутерами с форсированными движками и вооружил бойцов до зубов. Свой летучий отряд Винченце назвал «Легион Смерти».

Разбитые на пять отрядов по десять человек два месяца его «легионеры» проходили подготовку, учились стремительно ездить группой по запутанным улочкам Неаполя на огромной скорости, затем рассыпаться и по одному уходить от погони, теряясь в лабиринте кварталов и снова собираясь в заданное время в заданной точке. Учились стрелять на ходу с обеих рук на стрельбище за городом, что принадлежало «семье Гуллотта», под руководством лучших стрелков-экспертов, которых Винченце смог нанять за большие деньги.

Кроме боевой подготовки «легионеров», он активно работал с информаторами, угрозами и подкупом собирая по крупицам необходимые ему важные данные. По истечении двух месяцев Винченце смог отрапортовать дону с чистой совестью, что его боевая группа готова выполнить любое задание «семьи».

И задача была им поставлена.

В один из теплых июньских дней с разных концов на территорию, которую контролировали люди Сантини, с оглушительным ревом форсированных двигателей ворвались несколько отрядов вооруженных людей на мощных скутерах и по заранее продуманному плану начали одновременно громить точки продаж наркотиков, подпольные игровые притоны и публичные дома клана Сантини. Всех, оказывавших сопротивление, хладнокровно убивали на месте.

Сам Винченце с десятком наиболее надежных бойцов, терпеливо выждав полчаса, пока новость о нападении дойдет до самого Джованни Сантини и тот отправит боевиков на помощь своим «пьяцца», ворвался во вражескую штаб-квартиру, без разбору убивая всех на своем пути, стреляя из пистолетов с обеих рук по любой движущейся мишени, что попадалась им на глаза.

Пока они шли за доном Джованни, их путь был залит кровью.

Когда они ворвались в рабочий кабинет дона, тот, желая избежать пыток и издевательств, уже пустил себе пулю в лоб.

В этот день в Неаполе клан Сантини прекратил свое существование, а вся его бывшая территория перешла под контроль «семьи Гуллотта».

Через месяц Винченце Гуллотта женился. Его молодая жена Четтина прекрасно понимала, за кого она выходит замуж. Ее отец и братья тоже были в Каморре, в одном из кланов, что добровольно подчинился дону Доменико. Свадьба была богатой и пышной. Дядя сделал племяннику щедрый свадебный подарок, отдав ему исключительное право извлекать в свою пользу доходы с новой территории. Дядя не обманул племянника: тот нисколько не потерял в доходах.

Через неделю после свадьбы дон Доменико пригласил Винченце к себе.

Войдя в просторный кабинет дона, в котором всегда царил полумрак, Винченце был крайне удивлен, увидев, что в нем присутствуют все высокопоставленные члены клана, около двадцати человек из первого круга – вся «семья Гуллотта» была в сборе.

Обняв его за плечи, дон Доменико произнес, обращаясь к присутствующим: «Братья мои, пришел день назвать моего будущего преемника. Я, Доменико Гуллотта, объявляю своим будущим преемником моего любимого и дорогого племянника Винченце! А пока я жив и на свободе, он будет моей правой рукой. Он станет отвечать за боевую мощь семьи. Нам надо копить силы. Я предвижу впереди еще много крови. Семья Сантини – это только начало!»

Окрыленный словами дяди, что совпадали полностью с его устремлениями, Винченце с достоинством принимал поздравления от членов «семьи», торжественно и чинно подходивших к нему по очереди и крепко жавших ему руку в знак своего уважения.

Одним из последних подошел недавно вышедший из тюрьмы Сальваторе Дженнаро. Он тоже крепко пожал руку другу детства и вдруг, широко улыбнувшись, весело ему подмигнул.

Часть седьмая

*Некоторые вещи в мире неизменны: смерть, налоги и тот факт, что беглец совершит ошибку в течение семидесяти двух часов.
Из кинофильма «Побег»*

Ранним утром, когда солнце еще не успело набрать полную силу и в воздухе по-прежнему разливалась приятная прохлада, из бухты Парикии одновременно вышли два скоростных катера и взяли курс на южную оконечность Пароса.

На крутых бортах, выкрашенных в серый цвет, помимо надписи «Hellenic Coast Guard», продублированной по-гречески, виднелась опознавательная синяя полоса с белой прожилкой и два скрещенных якоря на ней – знак береговой охраны Греческой Республики, хорошо заметный даже издали.

На палубах, кроме офицеров береговой охраны, находились еще шестеро агентов Интерпола в боевой экипировке, готовых десантироваться по команде главы Бюро на любой из островков.

Манн принял решение, что они начнут с Дриониси – того самого островка, о котором говорил капитан Василиос.

Сам островок, расположенный менее чем в одной морской миле от южной оконечности Пароса, представлял собой плоскую скалу около километра в длину, напоминающую по форме – если взглянуть на нее сверху – огромную летучую мышь, широко раскинувшую несимметричные крылья, словно парящую в бескрайнем море. Поверхность острова в редких зарослях дико издали казалась совершенно пустой и безжизненной.

После того, как катера приблизились к острову на расстояние двухсот метров, Манн, посоветовавшись с капитаном, решил обойти островок вокруг в поисках места для высадки.

– Может, здесь? – предложил Смолев, внимательно вглядываясь в береговую линию. – Посмотри, какая удобная бухта! И сторона – противоположная Паросу! Если кому-то пришлось бы в голову здесь ночью вести высадку, – с большого острова все равно никто ничего не заметит: ни огня катера, ни звука двигателя.

– Ты прав, пожалуй, – согласно кивнул Виктор, внимательно рассматривая в бинокль небольшую бухточку, расположенную в самом хвосте «летучей мыши». – Если бы я планировал тайно произвести высадку, – лучше места не найти! К берегу! А ты чего стоишь как неродной? Надевай бронежилет и шлем! И никаких «но»! Ничего не знаю! Как минимум – голову не напечет, а как максимум – сам все должен понимать! А то останешься на катере!

Катера, резко сбросив скорость, заложили крутой вираж и пошли к острову. Небольшая бухта действительно прекрасно скрывала все происходящее в ней от посторонних глаз. Здесь было достаточно глубоко, чтобы катера могли подойти практически вплотную к берегу.

По команде Манна шестеро агентов с оружием наизготовку двумя группами покинули палубы, Манн и Смолев шли следом.

Алекс чертыхался: шлем снова давил ему на затылок, но спорить с генералом при подчиненных, по привычке соблюдая субординацию, не стал.

Он быстро спрыгнул в воду, увязнув в песке по шиколотку, и постарался поскорее выбраться на берег, усыпанный крупной, словно отполированной галькой.

Одну группу из трех агентов генерал отправил на разведку вглубь бухты, туда, где виднелись прорезанные морем и ветром небольшие пещеры в скалах, остальные трое внимательно осматривали пляж. Вооруженные офицеры береговой охраны, оставшиеся на палубе, были готовы к любой неожиданности.

– Да, – покрутил головой Манн, подняв одну крупную гальку и, осмотрев ее со всех сторон, в сердцах швырнул в прибой. – Почему я терпеть не могу галечные пляжи, в отличие от песчаных, знаешь? Что ты пыхтишь недовольно?

– Чертов шлем, – раздраженно пробурчал Смолев, ожесточенно крутя головой. – Отвык! Знаю, знаю: на песке остаются следы, а здесь...

– А здесь – ни черта! – закончил за друга генерал, оглядываясь по сторонам и утирая пот со лба – солнце уже начинало припекать. – Хотя постой, вон, кажется, агенты что-то обнаружили! Что там у вас? Что вы руками машете? – спросил он несколько раздраженно по-гречески в радиопередатчик. – Доложите по форме!

– Господин генерал! Докладывает майор Петриди! – из радиоприемника раздался бодрый голос старшего группы, ушедшей вперед на сто метров, – нашли три комплекта снаряжения для подводного плавания в одной из пещер! Есть следы пребывания людей. Ждем вас!

– Отлично, майор! – похвалил генерал. – Мы идем! – и, коротко скомандовав остальным, бросился вперед.

В полутемной пещере со сводчатым потолком, глубоко врезавшейся в берег, Смолев, войдя вслед за генералом, действительно увидел в дальнем углу снаряжение аквалангистов, сложенное тремя отдельными кучками. Здесь были и гидрокостюмы, и маски с ластами, и баллоны для сжатого воздуха, ремни с балластом, ножи в специальных ножнах и прочая экипировка. В пещере было значительно прохладней, и на полу из нанесенного ветром песка следов было достаточно, чтобы понять, что здесь происходило.

– Интересно девки пляшут! – произнес, перейдя на русский, генерал Интерпола, аккуратно присаживаясь на корточки рядом с обнаруженным снаряжением после того как штатный

эксперт, входящий в состав группы, наскоро сделал все необходимые снимки. – Что думаешь, Саша?

– Что тут думать? Основательно готовились, судя по всему: профессиональное снаряжение, новехонькое. Видел такое однажды, когда присутствовал на соревнованиях боевых пловцов пару лет назад, – пожал плечами Смолев. – Это не обычные дайверы, это – профи! Одно мне непонятно. К двум кучкам следы идут всего дважды, видишь: туда и обратно. Словно кто-то принес оборудование за один раз, сложил его и ушел. Но за один раз принести это все барахло невозможно, если только...

– Если только на себе, – закончил за него Виктор Манн, продолжая внимательно рассматривать снаряжение. – Ты прав. Похоже, что вот эти двое зашли в пещеру, здесь сняли все с себя и аккуратно сложили. Причем, отметь, одинаково! Вон, баллоны, как по линейке стоят! Видимо, подготовку проходили в одной школе. Вон как натоптали, пока раздевались.

– Вот именно. И следы, что ведут в пещеру, глубже, чем те, что ведут наружу. Сюда шли груженные – уходили налегке. А у следов вокруг снаряжения характерные размытые края и засохшая корка.

– Вода стекала, – кивнул Манн, взглянув на следы. – Значит, они вышли из воды, зашли в пещеру мокрые, здесь разоблачились и вышли. Больше сюда не возвращались. Все успело высохнуть – значит, минимум несколько часов прошло. Так, с этими пока все ясно. А вот третья кучка...

– А это уже интересно, – кивнул Смолев. – Обрати внимание, во-первых, она чуть поодаль и сложена совершенно иначе, чем первые две: баллоны не стоят аккуратно, а валяются на песке. Остальное снаряжение разбросано вокруг. Во-вторых, здесь уже несколько цепочек следов – похоже, что сюда заходили несколько раз, минимум – трижды! Кстати, я не вижу ласт и гидрокостюма.

– Черт, ты прав, – согласился генерал Интерпола. – А вот следы еще ведут дальше... А что это там в углу? Аптечка?

Смолев прошел несколько шагов в самый дальний угол и, наклонившись, аккуратно поднял с песка открытую полупустую аптечку. Рядом с ней, на песке, лежала горка окровавленных бинтов. Песок в углу был сильно утоптан, словно на нем долгое время лежали или сидели. Здесь же валялись пластиковые бутылки и обрывки полиэтилена с какими-то крошками.

– Та-ак, – протянул генерал, заметив бинты. – Час от часу не легче! И где же наш раненый? Где его черти носят, такого шустрого?

– Думаешь, это и есть твой «клиент»? – поинтересовался Смолев, перебирая медикаменты в аптечке. – Смотри-ка: два использованных шприц-тюбика промедола, йода – пустая склянка, все бинты изведены, нет жгута. Это так, на первый взгляд. Очевидно, что он ранен, но, скорее всего, не тяжело.

– Почему ты так решил?

– Потому что ласты пропали, генерал! – пожал плечами Смолев. – Ласт нет, гидрокостюма тоже. Куда уж очевидней! Крови на песке немного, только на бинтах. Остров, конечно, стоит обыскать, но моя интуиция подсказывает, что его здесь уже нет. Причем, ушел он не так давно: использованные бинты, что он снял и бросил здесь на песке, все в крови, и она не успела засохнуть... Часа три-четыре назад, наверно. Судя по пустым бутылкам из-под воды и оберткам от пачки с галетами, раненый находился здесь ровно столько, сколько было необходимо, чтобы прийти в себя, отлежаться и подкрепить силы. Переночевал, дождался утра. Как только припасы закончились, – он отправился в путь. Поэтому и думаю, что ранен он легко... Сколько, говоришь, здесь до Дриоса? Меньше мили? Как ты думаешь, человек, который заявился как участник в «морском марафоне», хорошо умеет плавать?

– Наверняка, неплохо... Почему тогда он не взял акваланг? – спросил генерал скорее у самого себя и, приподняв баллон, бросил его обратно. – Пустой!

– Вот именно. А компрессор, видимо, был на катере. Все пустые, я проверил.

– Ах, чтоб его! Добегается он у меня! – в сердцах выругался генерал и, повернувшись к одному из своих подчиненных, распорядился по-гречески: – Майор, я беру один катер и иду к побережью. Обе группы остаются здесь. Вы за старшего. Прочешите весь остров, каждую пещеру, если тут есть что-то еще, – я хочу об этом знать, ясно? Потом поднимитесь на плато и пройдите цепью от бухты через остров по направлению к Паросу: если он уплыл, он наверняка этот путь срезал – прошел по суше, а не огибал остров вплавь. У парня котелок варит. Возможно, обнаружите что-то еще. Буду ждать вашего доклада. И дождитесь экспертов с Пароса, я к вам направлю бригаду. У вас максимум два часа! А то и меньше! Все! Приступайте!

– Есть, господин генерал! – ответил майор. – Доложу немедленно.

Манн и Смолев быстро покинули пещеру и поднялись на катер. Судно уже выходило из бухты, когда на мобильный Манна поступил вызов.

– Генерал Манн, – отрывисто бросил он в трубку и, расслышав, кто говорит, внезапно смягчился. Разговор шел на греческом, но Смолев уже мог разобрать суть хотя бы в общих чертах. – Да, капитан. Нет, не обнаружили. Группа отрабатывает задачу на острове, там найдено снаряжение для подводного плавания. Нет, увы, больше ничего. Я иду к Дриосу. Да, все правильно понимаете, есть такая рабочая версия. Уйти? Куда он денется! Найдем! Направьте на Дриониси группу экспертов, а сами выдвигайтесь к Дриосу; думаю, что мой коллега прав, и наш бухгалтер ушел с острова часа три назад. Около часа он будет плыть, потом, не исключено, что заляжет на берегу отдохнуть еще на какое-то время. Потом будет искать медицинскую помощь. Что? Я не сказал? Он ранен, но, судя по всему, легко. В Дриосе есть медпункт, аптека, врачи? Первым делом все внимание к ним. Во все отели дать ориентировки немедленно! Договорились!

Манн уже заканчивал разговор, когда Смолев вошел в рубку и принялся детально изучать карту побережья. Какое-то время он внимательно вглядывался в карту, потом хлопнул себя по лбу.

– Витя! – позвал он друга. – Подойди, пожалуйста. Взгляни-ка на карту! Как ты думаешь, куда он поплывет?

– К ближайшему населенному пункту, а это – Дриос, – пожал плечами генерал Интерпола, но, взглянув на выражение лица Смолева, сразу насторожился. – А что, у тебя появились какие-то сомнения?

– Смотри внимательно, генерал! Дриос – ты прав – это ближайший населенный пункт. Но наш друг поплывет не в Дриос, а левее: видишь мыс Пиргос – эдакая запятая – выдается далеко в море?

– Почему?

– По трем причинам: во-первых, до мыса ближе, чем до Дриоса. Метров на двести-триста, но ближе. Во-вторых, течение. Даже если он будет стремиться в Дриос, его все равно вынесет к мысу, понимаешь? Поэтому, он даже пытаться не будет! Какой же ему смысл плыть большее расстояние, да еще и против течения? Ты же сам сказал, что «котелок у него варит»!

– Логично, убедил! – кивнул генерал, став серьезным. – Хорошо, а в-третьих?

Вместо ответа Смолев красноречиво ткнул пальцем в карту, где значком самолета был обозначен аэропорт у лимана Алики, в нескольких километрах по шоссе от мыса Пиргос.

Генерал побагровел и снова схватился за телефон.

– Капитан! Это снова Манн! – произнес он в трубку. – Медея, прошу вас, нельзя терять времени. Ситуация меняется! Ваши люди есть в аэропорту? Отлично! Но боюсь, что этого недостаточно. Да, да. Есть такая опасность. Боюсь, что он снова может ускользнуть. Немедленно свяжитесь с аэропортом и задержите все рейсы. Да плевать мне на их возражения! Пусть жалуются хоть в Юнеско! – рявкнул генерал, но снова смягчился. – Простите, Медея! Все нервы он мне истрепал, этот бегун! Мы идем туда, будем через пятнадцать минут. Вы уже

почти на месте? Отлично, просто отлично! Задержите ближайший рейс. Да, под мою ответственность! Все, отбой!

По команде Манна катер плавно развернулся и, быстро выйдя на максимальную скорость, уже летел по лазурной глади, рассекая форштевнем прозрачные прибрежные воды.

– Думаешь, у него есть с собой паспорт? – полуутвердительно произнес Смолев, внимательно вглядываясь в линию стремительно приближавшегося берега.

– Конечно, есть! Все у него есть, у мерзавца: и паспорт, и деньги, и кредитные карты, он свой отход готовил заранее! Причем, – по разным вариантам. Морем уйти не удалось – будет пытаться улететь. Я в этом просто уверен! И карту изучил как свои пять пальцев! Не удивлюсь, если у него на каждый рейс и места заранее выкуплены на неделю вперед!

– Хорошо, а одежда? Не в гидрокостюме же он в самолет собрался? Местные аэропорты – это, конечно, не Домодедово и не Пулково, но все равно, его внешний вид сразу бросится в глаза.

– Саша, значит, все у него есть! Или на нем, или с собой. И еще, у меня мысль одна мелькнула. Как бы он нас с тобой не опередил...

– Это раненый-то, которому почти милю до берега плыть? – усомнился Смолев.

– Если он сам плывет, – буркнул генерал, что-то лихорадочно обдумывая. – Ты обратил внимание, что оборудование было профессиональное? Сам говорил, что видел такое у боевых пловцов? А теперь скажи мне, друг ситный, чего там не хватало? Что мы не обнаружили?

– Не понимаю, – покачал головой Алекс. – Ну, подскажи!

– Акваскутера, Саша, акваскутера! На дворе двадцать первый век! – генерал говорил отрывисто и зло, было видно, что он и сам не рад своей догадке. – Сейчас такие «игрушки» делают, – закачаешься! Эдакая управляемая торпеда из пластика с мощным винтом, до восьми километров в час выдает и в подводном, и в надводном положении! Пловец держится сверху, плюс можно прицепить любой груз, если потребуется. Самые мощные стоят бешеные деньги, десятки тысяч евро, но для нашего беглеца – это сущие гроши!

– Стой, стой, если до восьми километров в час, то он сейчас может быть уже где угодно, он это расстояние в километр покроем за семь минут!

– Вот то-то и оно! Чтоб его приподняло, да сплющило! – в сердцах посулил генерал беглецу. – Ну, держись, дай мне только до тебя добраться!

– Так, значит, в аэропорт? – уточнил Смолев.

– Абсолютно. Не удивлюсь, если этот гад уже сидит в самолете!

– А улететь не мог?

– Нет, первый рейс до Афин через полчаса. А там уже Медея, та самая, из афинского полицейского департамента. Я тебе рассказывал. У нее муха не пролетит! Все рейсы задержаны.

– Получается, что и по времени он все точно рассчитал, смысленный малый!

– Не то слово, просто гений! – зло процедил генерал сквозь зубы. – Но и мы не лыком шиты: за полчаса вся его комбинация – как на ладони.

– Может отозвать твоих людей с Дриониси? Они в аэропорту не пригодятся?

– Зачем? Пусть заканчивают свою работу. А вдруг мы с тобой ошибаемся? Незаконченное дело бросать нельзя. Потом обследуют южное побережье от Дриоса до Мавроса, уверен, что найдут его средство передвижения. Дальше он точно на акваскутере не пойдет, не захочет внимание привлекать. Скорее всего, ты был прав с самого начала: к мысу Пиргос он и направился с утра пораньше, – генерал постучал пальцем по карте, – бросил скутер, вышел на дорогу, переоделся, поймал машину и в аэропорт, на первый же рейс до Афин. С-сукин сын! Но ничего! Если он в аэропорту, я его сам возьму – голыми руками!

– Не горячись, Витя: он может быть вооружен! Знаю я эти местные островные аэропорты. Ядерный заряд можно провезти при необходимости – никто не поинтересуется! Все спят на ходу.

– Ядерный заряд – отдельная история, – непонятно ответил генерал, бросив на Смолева быстрый взгляд. – Об этом позже... А то, что он вооружен – сомневаюсь я. Не того характера человек. Он считает себя умнее других. У меня вообще сложилось впечатление, что он с самого начала водил за нос всех: и Интерпол, и Каморру, и Ндрангету! Зачем ему это, в какую игру он играет, кто пытался его устранить? Чье тело мы нашли? Он мне, гад, на все вопросы ответит, уже не отделается словами «пока об этом рано говорить»! Ладно, хватит разговоров, готовимся: высадка через пять минут!

Не прошло и получаса, как на летное поле небольшого аэропорта Пароса выехала машина и резко остановилась, скрипнув тормозами, у лайнера авиакомпании «Эгейские авиалинии», безжизненно застывшего на рулежке.

Из авто выскочили двое мужчин и, быстро пройдя сквозь полицейское оцепление, взбежали по трапу. На верхней ступеньке их поприветствовала молодая женщина в полицейской форме, и все втроем они зашли в салон.

Медленно проходя мимо рядов с встревоженными пассажирами, они, наконец, остановились рядом с одиноко сидевшим мужчиной неопределенных лет и столь же неопределенной внешности. Единственное, что можно было отметить – серый оттенок его кожи, словно пассажир или смертельно устал, или чувствовал себя не лучшим образом.

Генерал Манн хищно и удовлетворенно улыбнулся, глядя на пассажира.

Тот поднял глаза на главу Интерпола. Лицо пассажира ровным счетом ничего не выражало.

– Боюсь, Жан-Гвидо, – произнес генерал негромко, обращаясь к пассажиру, – вы уже никуда не летите.

– Похоже на то, – разлепил сухие губы «бухгалтер». – Но попытаться все же стоило.

Затем он молча поднялся и пошел вслед за женщиной в форме капитана полиции. Смолев и Манн шли следом.

Уже садясь на заднее сидение автомобиля и невозмутимо подставляя руки под наручники, которые на нем защелкнул лично Манн, беглец небрежно поинтересовался:

– Куда на этот раз? Морем в Афины? В департамент полиции?

– Нет, – отрицательно качнул головой генерал Интерпола, отворачиваясь к окну, словно после поимки потерял к беглецу всякий интерес. – Пока нет. У одного моего друга, – он коротко взглянул на Смолева, – есть вилла на соседнем острове. Вы побудете там гостем пару недель, а мы составим вам компанию. У меня накопилось к вам слишком много вопросов.

Арестованный безразлично пожал плечами и прикрыл глаза.

К машине подошла Медея Иоанниди и вопросительно взглянула на генерала.

– Капитан, – обратился к ней глава Бюро Интерпола. – Заканчивайте здесь, оцепление можно снять. Задерживать самолет больше смысла нет. Затем направляйтесь к мысу Пиргос, там майор Петриди передаст вам все находки. Арестованного я забираю. И, – опередил генерал ее вопрос, – чем меньше людей будет знать, где он, тем спокойнее будет нам всем. Обязуюсь передать его столичному департаменту полиции в целости и сохранности через десять дней. Так и передайте своему начальству! Две недели, максимум. Медея, это в наших общих интересах. А с вами мы встретимся в полицейском участке Наксоса послезавтра и все обсудим. Все! Удачи!

Пока машина разворачивалась, Смолев успел бросить взгляд на оставшуюся стоять на летном поле Медею Иоанниди. Он заметил расстроенное выражение ее лица. Видимо, по ее мнению, генерал слишком поторопился с отъездом.

Ничего, подумал Алекс, скоро они встретятся на Наксосе – и у них будет время как следует пообщаться.

Машина быстро набирала ход, и скоро аэропорт уже скрылся из виду.

Часть восьмая

*Жизнь – театр, где в главных ролях мастера закулисной игры.
Томас Лав Пикок*

– Босс, а босс! – голос Катерины в телефонной трубке звучал крайне тревожно. Она волновалась, и оттого греческий акцент в ее русской речи проступал явственней. – Я не совсем поняла: у нас в восьмом номере будет новый жилец? А почему я ничего не знаю? Мне Софья не оставляла на этот счет совершенно никаких инструкций! Как же так? Там же ремонт только закончился, еще не убрано! Номер не готов, кровать еще не собрана даже! Как же я гостя там размещу? А потом, если не включать свет, – там темно, как в пещере! Старые окна мы еще не поменяли, да и даже если поменяем, что толку? Они же узкие, как бойницы, и в тамбур выходят, а не наружу! Телефон не подключен! Туалет и тот – через тамбур. Не номер, а наказание!

– Катерина, не нервничай: нам как раз такой и нужен. Я тебе потом все объясню! – постарался успокоить ее Смолев. – Главное, что там теперь новая прочная дверь и надежный замок. То, что связи нет и окна не выходят на улицу, нас вполне устраивает. Темно или светло – не важно. Лампы горят? Ну и отлично. Кровать пусть соберет Костас, скажи, что это моя личная просьба, я оплачу. Пошли потом туда горничную, пусть просто протрет пыль, оставит постельное белье. Гость у нас не гордый, сам разберется. Пока Петрос и Соня еще на Паросе, ждем их завтра с утра, так вот, пока их нет, пусть Василика с кухни передаст в номер большую флягу с питьевой водой, хлеб и вяленое мясо. Холодильника там все равно нет, а этого на первое время вполне достаточно. Не до разносолов. И пусть все будет уже порезано! Ни ножей, ни вилок не класть! Запомнила? Я не спрашиваю, поняла ли, я спрашиваю: запомнила? Молодец! И еще: найдите на складе у Христоса две раскладушки, отнесите и оставьте в тамбуре. Туда же небольшой столик и два стула.

– А это еще для кого? – ошеломленно спросила Катерина. – Там кто-то будет спать в коридоре?! В тамбуре? У двери в уборную? Это как такое может быть?

– Это для людей, которые будут нашего гостя... э-э-э... сопровождать, – подобрал наконец Смолев правильное нейтральное слово. – Не переживай, им будет вполне комфортно, они привыкли к спартанской обстановке. Вот их надо будет поставить на довольствие, но это я уже с Софьей обсужу, когда она вернется. И еще, пусть Костас принесет из сарая большую деревянную раздвижную ширму, я видел ее там, и поставит ее поперек галереи между седьмым и восьмым номером, чтобы отгородить тамбур. Спускаться и подниматься на галерею можно и по другой лестнице, а персональные уборные есть в каждом номере, эта все равно была исключительно для жильцов восьмого номера, так что другие постояльцы не пострадают. А на ширму пусть повесит табличку «Осторожно, ремонт!», она лежит там же, в сарае. Поставит у ширмы ведра с краской, положит стройматериалы. Все ясно?

– Ничего не ясно, – искренне выпалила раздосадованная Катерина. – Но все сделаем! Если надо – значит надо! Костас будет рад помочь!

– Да, спасибо, Катерина, и самое главное, – как можно более убедительно произнес Алекс, понизив голос. – У нас в восьмом номере *никто не живет!* Ты меня поняла? *НИКТО!* Там просто идет ремонт. Кто бы тебя ни спросил, из числа служащих или друзей, даже если папа с мамой, ты ничего не знаешь! Ты меня поняла? Хорошо поняла?

– Ой, да будет вам, босс! – обиженно шмыгнула носом Катерина. – Будто я какая болтушка! Если я что-то и говорю в подробностях, – так это все исключительно по делу и для блага гостиницы! Я же о деле думаю! Вот, например, сегодня Василика испекла пирог с ревенем, а я ей еще накануне говорила: «Добавьте в начинку немного меду, а то ведь будет кислить!»

Моя мама всегда так делает, получается прекрасно: и сытно, и сладко! И что бы вы думали, босс? Все, как я говорила: кислит немилосердно! За завтраком его только немец и наворачивал за обе щеки, этот, как его, доктор Штаубе! Ел и нахваливал, даже добавки попросил! «Зер гут!» – бормотал. Но это ни о чем не говорит: немцы в кухне ничего не понимают, им кислой капусты дашь с сосисками – они и счастливы! Я попробовала сама – да какой там «зер гут»! Аж челюсти сводит, такая кислятина! Будь здесь Петрос, уж он-то бы меня точно послушал! Хотя в прошлый раз, когда я просила его добавить в булочки с айвовым вареньем немного корицы...

– Катерина! – взвыл Смолев, потеряв терпение.

Ну что ты будешь делать с этой несносной девчонкой?!

– Ой, простите, босс! Все, все, уже звоню Костасу! – засуетилась администратор. – В самом деле, не буду вас отвлекать: вы ведь и так через два часа уже будете на месте и сами попробуете этот злосчастный пирог, – сами потом скажете, что без меда никуда! Все сделаем как надо, не беспокойтесь!

Смолев нажал на айфоне кнопку «сброса» и, прикрыв глаза, медленно сосчитал до тридцати. Несносная болтушка, но дело свое знает отлично. И, кстати, подала ему отличную идею! Выходит, зря он на нее рявкнул. Алекс вздохнул и снова набрал номер ресепшн виллы «Афродита».

– Катерина, это снова я, – быстро проговорил Смолев уже мягче, не давая возможности говорливому администратору вставить хотя бы слово. – Свяжись с доктором Штаубе и попроси его дождаться нас, скажи, что хозяин гостиницы нуждается в его профессиональной консультации. Договорились? Умница, спасибо тебе! Все, пока!

Скоростная моторная яхта с надписью «Interpol» выходила из порта Парикии. За штурвалом на мостике был сам генерал Манн.

Смолев, закончив телефонный разговор, еще раз оглядел двух агентов Интерпола, крепких молодых ребят, к которым наручниками был прикован пойманный беглец. С совершенно бесстрастными лицами, они сидели по бокам от арестованного на удобном диване в просторной кают-компании.

Жан-Гвидо Пиани, видимо, совершенно смирился с происходящим: закрыв глаза, он удобно откинулся на спинку дивана, – и было похоже, что дремлет.

Смолев, удостоверившись, что все в порядке, решил подняться на мостик.

– Ну, что скажешь? – встретил его вопросом Виктор Манн, не отвлекаясь от штурвала: яхта как раз в этот момент совершала маневр, огибая мыс Парикии и выходя на нужный курс в сторону Наксоса.

– Все в порядке, – подтвердил Алекс. – К нашему приезду, надеюсь, все будет готово. Поселим его в восьмом номере. Ты его помнишь, наверно, по делу о пропавшем алхимике.

– А, это тот, с «секретом»? Где проживали Фламели? – уточнил Манн. – Что ж, подойдет. Я, кстати, надеюсь, что мы будем недолго злоупотреблять твоим гостеприимством: хочу этого мерзавца поскорее «расколоть». С информацией, что он может нам дать, меня уже коллеги в Неаполе заждались. Да и других дел поднакопилось.

– «Расколешь», куда он денется! – пожал плечами Смолев. – Единственное: мне не нравится, как он выглядит – очень бледен, видимо, потерял много крови. Рану мы перевязали, но надо бы, чтобы посмотрел толковый хирург.

– Надо что-то придумать, – после паузы ответил Манн. – Не в госпиталь же его везти, – засветим. Я уверен, что его сейчас настойчивым чесом по всем островам разыскивают и его дружки, и конкурирующие организации. В каждой больничке в радиусе двадцати километров наверняка уже сидит наблюдатель. Очень он им всем нужен, сам понимаешь. Но нам он нужен еще больше. Надо как-то выкручиваться...

– У меня на вилле гостит немецкий хирург, доктор Штаубе, – ответил Смолев. – Я попросил через администратора, чтобы он дождался нас и оказал нам профессиональную помощь.

– Немец-хирург? Отлично, – довольно кивнул Манн. – Попрошу соотечественника хранить молчание. За это Интерпол оплатит его услуги по двойному тарифу. Как, кстати, и наше пребывание в гостинице. И хватит рукой махать! Что ты машешь руками все время? Ты не обязан делать это бесплатно. Сам прослежу, чтобы Софья выставила счет за проживание четырех человек! Ну, вот, вроде вышли на курс, – он перешел на греческий, обращаясь к помощнику: – Рулевой, примите штурвал!

– Есть, генерал! – бравый молодой моряк, скромно стоявший в сторонке, быстро подскочил и принял на себя управление яхтой.

– Пойдем, Саша, – снова по-русски продолжил Манн, обращаясь к Смолеву. – Присядем сами вон в том уголке и отдохнем. Рюмку коньяку выпьем? Еще полчаса идти, как минимум. Есть отличная «Метакса». Двенадцать звезд, не хухры-мухры! Подарок от министра, между прочим, по случаю присвоения очередного воинского звания...

– Почему нет, – кивнул Алекс, усаживаясь за круглый стол. – Наливай, попробуем твой министерский подарок. По чуть-чуть...

Генерал достал из бара два пузатых коньячных бокала, бутылку «Метаксы» и, открутив пробку, плеснул в каждый бокал на самое доньшко золотисто-янтарную жидкость.

Смолев взял бутылку в руки, повернул к себе этикеткой на обратной стороне, пробежал глазами, удивленно покрутил головой и медленно прочел вслух по-английски:

– «Метакса 12 звёзд» создана на основе мускатных вин греческого острова Самос из выдержанных винных спиртов, эссенции розовых лепестков и секретного сбора средиземноморских трав. Напиток отличает мягкий, но при этом насыщенный вкус с тонкими переливами ароматов высушенных цветочных лепестков и упоительными нотами пряных трав, сладковатыми и теплыми оттенками шоколада, ирисок, кофейных зерен и сухофруктов, которые перекликаются с яркими и бодрящими нотами апельсиновой цедры!» Боже мой, Витя, кто все это пишет? Как можно отличить «тонкие переливы ароматов» от «упоительных нот» и «теплых оттенков» в бренди?! Слова, слова, слова!..

– Маркетологи, Саша, маркетологи, – весело ухмыльнулся Манн. – Есть такая загадочная профессия. Может, винные эксперты и способны все это различить, но простым смертным этого не дано, поверь. А таких экспертов на всем свете – по одной руке счесть. Поэтому всю эту галиматью пишут маркетологи и рекламщики. Причем, думаю, что сами они и не пробовали описываемые напитки. Да и черт с ними! Попробуй, не знаю, что там за «переливы ароматов секретных цветочных лепестков», но напиток точно «яркий и бодрящий»! Будем! Ямас!

– Ямас! – эхом отозвался Алекс, и друзья осторожно чокнулись бокалами.

Первый же глоток обжигающей ароматной жидкости действительно мягко прокатился по нёбу и сразу согрел внутренности. Качество «Метаксы» и впрямь было отменным.

Когда я наконец сделаю свое вино, подумал Смолев, то не стану писать на этикетке такую многословную чушь... А что напишу?

Напишу, решил он, что-то самое важное, самое основное. Главное, чтобы поместилось в одну фразу, емкую, простую и верную. Но это все впереди, подумаю об этом, когда придет время. А сейчас есть дела более срочные.

– Отличная «Метакса», ты прав, – кивнул он. – Какие наши дальнейшие действия, генерал?

– Ты понимаешь, – ответил Манн, задумчиво барабанил пальцами по полированной поверхности столика, – нам нужна информация по всем финансовым операциям семьи Гуллотта. И чем глубже мы копаем в этом направлении, тем большее сопротивление мы встречаем со всех сторон, даже там, где, казалось бы, его не должно быть по определению! Итальянская прокуратура в Неаполе вдруг начала нам слать по делу такие запросы, что даже министр, насколько он далек от оперативной работы, и тот удивился: мол, где, когда, какие операции нами планируются, в каких целях и на каком основании! После того, как Интерпол направил

им разъяснение в том духе, что разглашать подобную информацию не в интересах следствия, они словно все там заснули – ни на одно наше письмо ответа нет. Полный саботаж. Активизировались несколько адвокатских контор, прикормленных Каморрой: уже, по нашим сведениям, подготовлены с десятков исков к Интерполу от физических лиц. Формулировка везде одна: «Превышение служебных полномочий». Что за лица? Те, задержанные во время последних операций. Понятно, что все это чушь, но это – время и силы, которых у нас немного. Гораздо меньше, чем у мафии.

– Такое ощущение, что кто-то очень сильно боится, что эта финансовая информация будет обнародована, – предположил Смолев.

– Не то слово! Ниточки, похоже, ведут наверх, в итальянское правительство, – согласился Манн, крутя в пальцах бокал с «Метаксой». – Понять бы, к кому конкретно, кто этот кукловод? Это человек? Или целая организация? Или политическая партия? А, может, и то, и другое, и третье, – все вместе? Кто делает ставку на «систему»? Кто создает благоприятные условия для Каморры и Ндрангеты в Италии, а для Коза Ностры на Сицилии? Кто саботирует экономическое возрождение нищих регионов? Ведь это делается умышленно! Именно нищее население Неаполя и Калабрии – источник «дешевой рабочей силы» для криминальных кланов! Будь у этих людей достойная работа и хоть какая-то надежда на светлое будущее, разве они пошли бы в мафию рядами и колоннами? Так нет же, им в этом отказано!

– Ты хочешь сказать, – ошеломленно произнес Смолев, – что кто-то в правительстве Италии все это придумал и организовал? Нищету собственных сограждан, мафиозные кланы и группировки, наркоторговлю? И теперь наживается на этом? Ты понимаешь масштаб этой операции? Это не по силам одному человеку! Человеческой жизни на это не хватит!

– Прекрасно понимаю, Саша. Только думаю, что было немного иначе. Сначала возникла мафия, потом она развилась и коррумпировала властные структуры настолько, что стала абсолютно безнаказанно ими помыкать. Сейчас в Италии правит бал не правительство, хотя все чиновники на своих местах... Я думаю, что правят два-три очень мощных криминальных клана. Время от времени они даже устраивают показательные «чистки» мафиозных структур руками органов правопорядка, чтобы успокоить население, избавляясь от неугодных. Но никогда не сделают главного: не выбьют у мафии экономическую опору из-под ног! Уничтожить Каморру и Ндрангету можно за пару лет: за месяц арестовать всех боссов, больших и малых, которых все знают, и которые совершенно безнаказанно ходят по улицам. Ввести войска, объявить осадное положение, комендантский час, перекрыть доступ и транзит наркотиков, всех особо «отмороженных» расстреливать на месте, но самое главное: объявить амнистию рядовым членам кланов и дать им образование и работу! Дать их детям надежду на будущее, открыть государственные школы, привлечь инвесторов, развить социальные программы, – понимаешь? Сделать этот проект ключевым для всей страны на ближайшие пять лет, перестроить центр Неаполя: к чертям собачьим снести трущобы, переселить людей в муниципальные квартиры! Создать заводы и фабрики за городом на месте этих «пьяцца», открыть производство! Все это можно сделать! Не за год, так за три, не за три – так за пять! И это должно делать правительство Италии. А оно этого не делает. Почему? Не может или не хочет? В этом-то и вопрос... Особенно, когда вспомнишь про сотни миллиардов евро теневого оборота. Сколько из них оседает в карманах «кукловодов»? То-то и оно!

– Но, – запнулся Смолев, – но тогда... Тогда все напрасно? Все усилия впустую?

– Черта им лысого! – гневно посулил генерал, многозначительно похлопав широкой ладонью по своему гладко выбритому затылку. – Мы пойдем до конца. Как сказал кто-то из великих: «Делай то, что считаешь нужным, и будь что будет!» Примерно, так. Эти люди боятся одного, Саша: огласки! Что вся их подкованная возня станет известна, все их темные делишки вытащат на свет и все вокруг, наконец, поймут, с какой мразью имели дело! А это грозит им

большими бедами и потерями. В том числе – финансовыми. В эту точку и будем бить! – генерал прихлопнул ладонью по столу. – Вот и весь сказ!

Спустя два часа, стоя в конце длинной галереи виллы «Афродита», Манн и Смолев терпеливо ждали окончания медицинского осмотра. Вскоре дверь восьмого номера открылась, и хирург герр Штаубе вышел, держа высоко перед собой руки в резиновых перчатках, испачканных кровью. Он кивнул Манну и Смолеву, пробормотав по-немецки: «Прошу простить меня, господа!» и вошел в уборную. Было слышно, как он снимает перчатки, моет руки под сильной струей воды, а потом сушит их феном.

– Ну, что скажете, герр Штаубе? – несколько нетерпеливо поинтересовался генерал Интерпола по-немецки, когда врач снова появился в коридоре. – По поводу ранения?

– По поводу ранения? – переспросил хирург, смазывая руки дезинфицирующим гелем, тюбик которого он достал из кармана халата. – Чуть, чепуха, безделица! Так, чиркнуло по касательной. Немного осложняется тем, что пациент, по-видимому, провел долгое время в воде. Я почистил рану, сделал перевязку, ввел противовоспалительное и антибиотик. Это ранение – чепуха! Это не самое интересное, что я увидел, господа, отнюдь!

– А что вы увидели, доктор? – заинтересованно произнес Смолев тоже по-немецки.

– О! Герр Смолев тоже немец? – удивленно округлил глаза хирург.

– Не совсем, – покачал головой Манн. – Он просто долго жил в Германии. Так что вы увидели?

– Надо же! А такое ощущение, что мы соотечественники, – покачал головой Штаубе. – А увидел я, господа, результаты блестяще проведенной пластической операции! Сначала челюстно-лицевой, а затем и пластической! Просто блестяще! Virtuозно исполненной! Поверьте хирургу с тридцатилетним стажем! Человеку словно полностью перебрали все лицо. И заметьте, швов практически не видно, а все срослось просто замечательно и с первого раза! Высший пилотаж! У меня самого такой результат бывает не часто.

– Я подозревал что-то в этом роде, – задумчиво произнес Манн. – Узнать бы, кто ее сделал...

– П-ф-ф-ф! – фыркнул герр Штаубе. – Никаких проблем! Я знаю всего трех хирургов, которые способны на такое. Двое в Германии и один в Израиле. И все трое – мои друзья и коллеги! Дайте мне фото вашего... м-м-м... клиента, и я в течение часа отвечу вам на этот вопрос!

– Вот это разговор! – оживился Манн. – Отлично! Спасибо, доктор! Фото направлю вам на смартфон через пять минут! Счет за ваши услуги оставьте на ресепшн, он будет немедленно оплачен!

– Само собой, – подтвердил герр Штаубе и покинул галерею.

В это время за дверью номера пятого, безвольно сгорбившись на стуле, то и дело отирая дрожащей рукой пот, что катился градом по его лицу, маленький толстенький итальянец Паоло Буджардини, владелец небольшого семейного ресторанчика в Неаполе, что на окраине Испанского квартала, раскрыл небольшой кожаный продолговатый чехол, в котором обычно носят рыбацкие снасти или музыкальные инструменты, и достал тяжелый двуствольный обрез-лупару.

Он действовал так неловко, что сперва даже выронил оружие, упавшее на пол с глухим зловещим стуком. Застонав от ужаса, толстяк поднял обрез, с минуту прислушивался, не идет ли кто, потом с трудом переломил ружье и короткими дрожащими пальцами вставил в каждый из стволов по патрону с картечью.

Видимо, от судьбы не уйдешь, как он ни пытался. Ему не удалось сделать это на Антипаросе: тот, кого ему приказали убить, – просто исчез. Не вышел из воды – и все! У Паоло была надежда, что тот утонул, и ему больше не придется жить в животном ужасе, в котором он провел все последние несколько дней. Но, видимо, судьба к нему не так благосклонна.

А всего-то он лишь купил мебель для своего ресторана не там, где ему намекали... Будь она проклята, эта мебель! Он хотел лишь сэкономить: ведь цена была вдвое ниже. Разве мог он подумать, что теперь ему придется платить за свою недогадливость такую страшную цену?

«Они умрут, умрут все. Вся твоя семья. И будут сильно мучиться перед смертью, – сказал ему человек, который пришел спустя два дня после того, как Буджардини посмел ослушаться. – Особенно твои дочери. Сколько им сейчас? Четырнадцать? Они красотки! От тебя зависит, будет ли им пятнадцать!»

Паоло помнил, как от ужаса он упал на колени и молил о пощаде, но все было тщетно.

«Система» такого не прощает, – сказали ему: – Сделай работу. Или ты, или твоя семья. Решай сам!»

Надо же такому случиться, что каких-то полчаса назад, когда он уже почти пришел в себя и робко открыл дверь своего номера, в котором провел несколько дней взаперти, чтобы хотя бы глотнуть свежего воздуха, он увидел группу людей, проходивших мимо, и в одном из них узнал того, кого должен был убить на Антипаросе еще два дня назад.

Он не мог обознаться. Нет.

Это лицо он запомнил по десятку фотографий, что передали ему вместе с оружием. Абсолютно смазанное лицо, словно на нерезком снимке. Оно стояло перед ним каждую минуту, пока он бодрствовал, и даже тогда, когда он забывался тяжелым сном. Лицо смерти. Ведь потом придется убить и себя. Другого выхода у него нет. Своих дочек он им не отдаст!

Маленький итальянец судорожно всхлипнул, решительно поднялся, подошел к двери и прислонился к ней спиной, прислушиваясь к тому, что происходило на галерее. Лупару он держал в руках, крепко прижав к себе. Прохладный металл ствола охлаждал ему ладони.

Часть девятая

Можно ли простить врага?

Бог простит! Наша задача – организовать их встречу.

Аль Капоне

Сальваторе Дженнаро был бы очень удивлен, если бы ему кто-нибудь сказал тогда после выхода из тюрьмы, что пройдет еще несколько лет, и он возненавидит «систему» всей душой. Возненавидит люто, до дрожи. Ни за что на свете он не поверил бы. Пока в его жизни только «система» и «семья Гуллотта» проявили заботу о нем самом, его родителях и сестренках.

«Система» дала ему все: возможность выбраться из нищеты, достойный доход, образование, авторитет! А властям и государству было на них наплевать, как и на тысячи других бедняков Неаполя. Сколько таких несчастных побирается по улицам, роясь в горах мусора, умирает от нищеты и болезней?

Однажды взяв на себя ответственность за свою семью, Сальваторе прекрасно понимал, будучи действительно смышленным малым, в чем источник его благополучия: живи по правилам, соблюдай Омерту, выполняй приказы, – и твоя жизнь будет обеспечена, и никто из родных больше не умрет от того, что нет денег на врача и лекарства.

Времена, когда они бандой подростков грабили зазевавшихся туристов, давно прошли.

Справедливости ради надо сказать, что Сальваторе Дженнаро ни разу не нажал на спусковой крючок, не пролил чужую кровь. Никогда он не получал таких приказов от дона Доменико. Да в этом и не было необходимости: для «воспитания» непокорных у Каморры были бойцы попроще. Его же первым и единственным делом было вести учет доходов и расходов «семьи», выводя ежемесячно путем сложных расчетов финансовый результат: деньги в карманы семьи стекались по десяткам каналов, в каждом канале была своя финансовая модель, свой плановый уровень рентабельности, своя система формирования прибылей и убытков.

«Семья Гуллотта» с ее сотнями миллионов евро годового оборота давно превратилась в огромную и могущественную корпорацию. Но доступ в святая святых – финансовые операции семьи – был открыт лишь очень ограниченному кругу избранных.

Очень скоро он стал ориентироваться в этом, как рыба в воде.

А после того, как молодой бухгалтер доказал дону Доменико с цифрами в руках, что, по его расчетам, несколько небольших кланов, которые нехотя влились в «семью Гуллотта» за последние три года и специализировались на контрабанде, существенно занижают свои доходы, утаивая таким образом львиную долю прибыли, – его авторитет в глазах дона в финансовых вопросах семьи заметно вырос.

Немедленно были вызваны бухгалтера этих кланов. Когда после «беседы с пристрастием» эта информация подтвердилась полностью, дон Доменико крепко обнял его, похлопал по спине и произнес: «Ты снова сослужил добрую службу „семье“, маленький Сальваторе! Ты и вправду настоящий спаситель! Нам очень нужны эти деньги: мы вступаем в сложные времена!»

Вскоре молодой Дженнаро стал заместителем правой руки дона – старого Чезаре Фьорозо, исполнявшего обязанности «финансового консьюльери» уже третий десяток лет.

Суровый старик с худым лицом, обтянутым пожелтевшей пергаментной кожей со старческими пигментными пятнами, бухгалтер старой школы, каждый раз придирчиво и досконально изучал ежемесячные отчеты, которые приносил Сальваторе и, найдя небольшую ошибку или погрешность, – а такое, хоть и крайне редко, но случалось – немедленно устраивал помощнику суровый разнос, свирепо вращая круглыми, как у филина, глазами, которые были едва видны из-под кустистых седых бровей.

Помощник, понимая свой промах, не спорил и покорно уходил переделывать весь отчет из-за единственной незначительной поправки, справедливо полагая, что информация для дона должна быть безупречной.

Покидая кабинет консьюеры в расстроенных чувствах и кляня себя за невнимательность, пусть даже и в мелочах, молодой помощник не мог и подумать о том, что спустя пять минут после его ухода, старик Фьорозо, с трудом встав на ноги, искривленные артритом и подагрой, прошаркает неверной походкой по темному коридору, что соединял его кабинет с главной приемной, прямо к дону Доменико, доступ к которому он имел в любое время суток на правах друга детства и сооснователя клана. Там консьюеры устало упадет в удобное кожаное кресло напротив стола босса и закурит сигару.

На безмолвный вопрос так же молча покажет дону большой палец правой руки и довольно улыбнется. Они уже не один десяток лет понимали друг друга без слов. Смена подрастала – и смена профессиональная.

Все эти годы Сальваторе Дженнaro не переставал учиться, проходя подготовку у лучших профессоров Неаполя, закончив с отличием экономический факультет старейшего Неаполитанского Университета имени Фридриха II.

По этому поводу синьора Дженнaro устроила большой праздник: столы с пастой, закусками и вином в огромных оплетенных бутылках стояли вдоль всей улочки – все были приглашены! Еще бы, такое событие – настоящая редкость в Испанском квартале, где, в лучшем случае, читать и писать умел каждый третий.

Семья Дженнaro давно стала одной из самых уважаемых в квартале. И не только потому, что все знали, кто такой Сальваторе. Синьора Дженнaro, чей дом был всегда открыт для соседей, даже самых неимущих, которым она всегда помогала, чем могла, по праву гордилась университетским дипломом сына, и, по-прежнему, не задавала ему никаких вопросов.

Единственное, справедливую треть от всех денег, что Сальваторе приносил домой, она по собственному почину втайне от сына тратила на продукты, лекарства и подарки для детских сиротских приютов.

Ее муж, подорвавший здоровье на тяжелых разгрузочных работах в доках, умер, не дожив и до пятидесяти. Две красавицы дочери-близняшки Мария и Розария, всегда доброжелательные и веселые, служили вдове утешением, активно помогая матери в благотворительных делах. Обеим исполнилось восемнадцать, и Сальваторе уже думал о том, что скоро ему выдавать их замуж.

Все шло очень хорошо, пока в две тысячи пятом году в Неаполе не разразилась война, которую развязала Каморра. Эта война полностью разрушила мир, в котором жил Сальваторе.

Несколько кланов сразу атаковали территорию семьи Гуллотта, и ей пришлось сражаться одновременно на нескольких фронтах. Сперва дела шли с переменным успехом: «легионерам», которых подготовил Винченце Гуллотта, удавалось отбивать атаки и даже контратаковать, время от времени заходя на чужую территорию и устраивая там показательные побоища. Но постепенно силы «Легиона Смерти» таяли, а на помощь врагам подтягивались все новые и новые подразделения: уж слишком лакомым пирогом была для всех кланов территория, которую контролировала «семья Гуллотта».

В ожесточенных сражениях прошел почти год. И тогда, почувствовав, что силы «семьи» иссякают, может быть, впервые за двадцать лет дон Доменико совершил трагический просчет: он обратился за помощью к главам тех «ндрин» Ндрангеты, которые поставляли наркотики на его «пьящцы».

Просьба дона Доменико заключалась в том, чтобы три мощные «ндрины» оказали посреднические услуги при проведении переговоров всех враждующих сторон и выступили гарантами безопасности для глав делегаций. Он получил такие гарантии и решил лично выехать на встречу.

Переговоры должны были пройти на нейтральной территории, недалеко от Салерно, в небольшом селении в горах. На время переговоров стороны заключили перемирие.

В один из теплых июльских дней, ранним утром из Неаполя выехал кортеж: три мерседеса и четыре джипа охраны. Это была фатальная ошибка. По дороге на встречу автомобили семьи Гуллотта попали в засаду: их обстреляли из гранатометов. Машина, в которой ехали дон и его правая рука – старик Фьорозо, взорвался со страшным грохотом – заряд попал прямо в бензобак.

Из окна своей машины ошарашенный Сальваторе наблюдал, как машина дона, за мгновение превратившаяся в ком грязного и искореженного металла, объятая пламенем, падает с автострады в ущелье, словно в замедленном кино... Ему показалось, что прошла вечность, на самом деле – всего несколько секунд.

Через мгновение следующая граната взорвалась под колесами его машины, машину резко подбросило в воздух, развернуло, но ему повезло: он, сидевший на заднем сиденье, вылетел через лобовое стекло сначала на капот, а потом и на асфальт, прежде чем покореженный мерседес свалился вниз с автострады.

Сознание он потерял сразу и уже не видел, как из первого мерседеса, где ехал племянник дона, и по которому нападавшие промахнулись, выскочил Винченце и, держа в руках пистолеты-пулеметы УЗИ, бросился вперед и, рыча от бешенства, безостановочно стрелял длинными очередями по засевшим в горах боевикам. Затем из машин сопровождения выбежала охрана и, прикрывая племянника дона огнем из автоматов, посадила его в джип, который уже успел развернуться на дороге.

Еще через мгновение уцелевшие авто умчались прочь. На заднем сиденье джипа лежал Сальваторе; залитое кровью лицо его было все в порезах, нос и челюсти были сломаны.

После того, как Сальваторе окажут первую помощь в госпитале Неаполя, Винченце примет решение тайно отправить друга в Германию на лечение. Его привезут в Гамбург, в университетскую клинику, где блестящий хирург заново «соберет» ему лицо, изменив его почти до неузнаваемости.

Теперь только Сальваторе знал о всех активах, счетах и текущих операциях семьи. По приказу нового дона бухгалтера берегли, как зеницу ока. Из Неаполя уехал Сальваторе Дженнаро – через месяц вернулся Джан-Гвидо Пиани, никому не известный финансист, втайне горящий желанием поквитаться с Ндрангетой.

Давление на «семью» после убийства дона Доменико не прекратилось. Но за дело взялся Винченце. Став доном, он бросил большую часть собственных активов на создание новой «армии», которая обучалась и формировалась в спешном порядке.

За тот месяц, что Сальваторе отсутствовал, семья получила почти тысячу новых бойцов. Винченце не жалел денег, его бронированный «шкаф» почти опустел. Решительность, хладнокровие и жестокость, присущие его характеру с детства, оказались эффективнее в этой кровавой бойне, чем мудрость старого дона. Жена Винченце, Четтина помогала ему во всем, став его правой рукой. В клане говорили, что она еще жестче и кровожаднее своего мужа.

К возвращению Сальваторе новая «армия» была готова, и Винченце задумал отомстить Ндрангете и тем кланам Каморры, что посмели выступить против них.

Узнав о планах друга детства, Сальваторе ужаснулся. То, что задумали Винченце с Четтиной, было бесчеловечно: тотальное уничтожение всех, кто имел отношение к восставшим кланам. Всех, без исключения: женщин, стариков, детей. А главное, – ему было понятно, что на кровь мафия ответит кровью. Впервые Сальваторе выступил против.

Выслушав его аргументы, что насилие только порождает насилие, что действовать надо умнее, и, в первую очередь, экономическими рычагами, а не проливая кровь невинных людей, Четтина только ухмыльнулась и произнесла: «Поздно! Уже началось!» Сидевший за столом

покойного дяди, Винченце мрачно кивнул. «Это не твое дело, брат! Займись финансами. „Семье“ нужны деньги – мои почти кончились».

Кровавое побоище, что устроил новый глава «семьи Гуллотта», заставило содрогнуться весь Неаполь.

Через месяц, собравшись с силами, кланы ответили.

Сальваторе с раннего утра работал дома, пытаясь привести в порядок финансовую отчетность, когда вдруг ближе к обеду услышал горестные крики соседей. Сальваторе выскочил на улицу, полный плохих предчувствий, и ноги его подкосились: он упал на колени рядом с телами своей матери и сестер.

Их застрелили боевики Каморры, когда женщины выходили из сиротского приюта после благотворительного обеда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.